
Ева Рейн
Развод!
А я ведь предлагала договориться...
СВИДЕТЕЛЬСТВО О РАЗВОДЕ

Ева Рейн

Развод! А я ведь предлагала договориться...

«Литнет»
2026

Рейн Е.

Развод! А я ведь предлагала договориться... / Е. Рейн — «Литнет», 2026

— Ты всё равно сделаешь, как я скажу! — усмехнулся муж на нашей серебряной свадьбе, ещё не подозревая, что скоро сам будет умолять меня о пощаде.Двадцать пять лет брака. Двадцать пять лет я любила, поддерживала, уступала и верила, что мы с Марком — одна семья. А на нашу годовщину он при всех объявил, что потратил почти четыреста тысяч из наших отпускных накоплений на любимый мотоцикл. И ещё посмеялся надо мной перед гостями!Что ж, дорогой. Ты сам напросился.Я подаю на развод и предлагаю разойтись мирно. Даже готова оставить мужу всю его драгоценную коллекцию, если он честно выплатит мою долю.Но Марк смеётся мне в лицо. Он обещает оставить меня без копейки и уверен, что я ещё приползу обратно.Только он кое-чего не учёл.Я больше не та удобная жена, которую можно унижать безнаказанно. И когда наш развод обернётся для Марка настоящей катастрофой, он сам придёт просить меня о сделке.Вот только захочу ли я договариваться с человеком, который решил отнять у меня всё? Сильная героиня, наглый муж, болезненный развод, заслуженная расплата и новая любовь. Счастливый конец для тех, кто его действительно заслужил!

© Рейн Е., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА, КОТОРУЮ Я НЕ ЗАБУДУ 5
ГЛАВА 2. Я БОЛЬШЕ НЕ ТВОЯ ЖЕНА 19
ГЛАВА 3. ПОСЛЕДНЕЕ ЧЕСТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

ГЛАВА 1. СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА, КОТОРУЮ Я НЕ ЗАБУДУ

В день нашей серебряной свадьбы я проснулась раньше будильника и ещё несколько минут лежала с открытыми глазами, прислушиваясь к ровному дыханию мужа. За окном стояло хмурое октябрьское утро, ветер шевелил ветки старой берёзы, росшей перед домом, а в спальне было тепло и тихо. Марк спал на спине, разбросав руки, и выглядел почти таким же, каким я помнила его много лет назад, когда мы только поженились. Разве что волосы на висках заметно поседели, да возле глаз появились глубокие складки, особенно заметные, когда он хмурился. Я осторожно повернулась на бок и посмотрела на него, пытаясь вспомнить, когда в последний раз просыпалась с желанием просто обнять собственного мужа. Когда-то мне нравилось лежать рядом, слушать его дыхание и знать, что впереди у нас целый день, который мы проведём вместе. Теперь я почти всегда вставала первой, стараясь не разбудить Марка, потому что по утрам он становился особенно раздражительным и не любил, когда ему мешали спать.

Я всё-таки протянула руку и поправила край одеяла, сползшего с его плеча. Сегодня исполнялось двадцать пять лет со дня нашей свадьбы, и мне очень хотелось, чтобы этот день получился хорошим. Не роскошным, не необыкновенным, а просто таким, который мы оба потом будем вспоминать с удовольствием. Несколько месяцев назад я предложила Марку отметить годовщину вдвоём, съездить куда-нибудь на выходные, а летом наконец осуществить давнюю мечту о большом отпуске у моря. Он тогда рассеянно согласился, не отрываясь от телефона, и я решила не придираться к отсутствию восторга. В конце концов, мы уже не молодожёны, чтобы каждый праздник превращать в торжественное событие. Мне было достаточно того, что муж хотя бы согласился провести со мной немного времени.

Однако за две недели до годовщины Марк сообщил, что заказал столик в ресторане и пригласил друзей. Я узнала об этом совершенно случайно, когда он попросил проверить сообщение от администратора заведения. В списке гостей значились Сергей с Ириной, Виталий Фомин с женой, ещё две пары из мотоклуба и несколько наших общих знакомых. Мне оставалось только спросить, почему муж не посоветовался со мной прежде, чем устраивать такой вечер. Марк удивился, словно я придиралась к чему-то совершенно незначительному, и объяснил, что двадцать пять лет брака бывает только один раз. По его мнению, подобную дату следовало отмечать широко, а не сидеть вдвоём за столиком, как какие-нибудь скучные пенсионеры. Я возмущалась, напоминала о своих пожеланиях, но в конце концов согласилась, решив, что не стоит портить праздник ещё до его начала.

На прикроватной тумбочке лежала маленькая коробочка, которую я приготовила для мужа. Внутри находилась фотография в серебряной рамке, сделанная во время нашей первой совместной поездки к морю. На снимке мы стояли возле старого деревянного причала, молодые, загорелые, смешные, совершенно не заботясь о том, как выглядим. Марк обнимал меня за плечи, а я смеялась, потому что сильный ветер трепал волосы и никак не позволял сделать нормальную фотографию. Мы тогда жили в дешёвом пансионате, считали деньги до следующей зарплаты и по вечерам ходили гулять вдоль набережной, покупая на двоих мороженое. Марк говорил, что однажды обязательно привезёт меня в хороший отель с видом на море, где нам не придётся задумываться о стоимости ужина. Я верила ему безоговорочно. И даже теперь, спустя столько лет, мне хотелось верить, что мы ещё сумеем провести подобный отпуск вместе.

— Ты чего не спишь? — сонно пробормотал Марк, почувствовав моё движение. Он приоткрыл один глаз, посмотрел на часы и недовольно поморщился. — Семь утра, Кира. Сегодня же выходной. Дай человеку поспать хотя бы в собственную годовщину.

— Я тебя не будила, — ответила я, убирая руку с одеяла. Мне хотелось поздравить его, поцеловать, сказать что-нибудь приятное, но после такого приветствия настроение немного испортилось. — Просто проснулась раньше. Между прочим, сегодня у нас серебряная свадьба.

— Я помню, — отозвался Марк и снова закрыл глаза. Он повернулся на другой бок, подтянул одеяло к подбородку и добавил уже сквозь сон: — Только не начинай с утра суетиться. Всё заказано, оплачено, люди приглашены. Можешь спокойно заниматься собой, а мне дай отдохнуть.

Я ещё немного посидела на кровати, глядя на его спину, после чего поднялась и вышла из спальни. В ванной долго умывалась прохладной водой, разглядывая собственное отражение. Мне было сорок семь лет, и я вовсе не считала себя старой. Светлые волосы я красила в привычный тёплый оттенок, следила за фигурой, много ходила пешком и благодаря работе в спортивном центре постоянно находилась в движении. Конечно, за последние годы появились морщинки возле глаз, а кожа уже не была такой гладкой, как в молодости, но мне нравилось собственное лицо. Я только всё реже слышала от мужа, что хорошо выгляжу. Марк замечал новую причёску или платье лишь тогда, когда считал покупку слишком дорогой, а в остальных случаях словно перестал обращать внимание на женщину, с которой делил постель.

На кухне я сварила кофе, достала из холодильника продукты для завтрака и включила негромкую музыку. Когда-то по выходным мы обязательно завтракали вместе. Марк любил омлет с помидорами, я предпочитала творог и фрукты, но всё равно готовила на двоих, а потом мы долго сидели за столом, обсуждая предстоящий день. Постепенно эти завтраки исчезли. Муж начал проводить почти все свободные часы в гараже, где стояли его драгоценные мотоциклы, и по утрам торопился туда, даже не успевая толком поесть. Если я просила провести выходной вместе, он обещал выбрать время на следующей неделе. Следующая неделя превращалась в месяц, потом появлялась очередная срочная покупка, поездка за деталями или встреча с приятелями. Я злилась, устраивала скандалы, иногда несколько дней почти не разговаривала с ним, но неизменно первой пыталась помириться. Мне казалось, что так и нужно поступать женщине, которая дорожит семьёй.

Последние два года наши отношения особенно испортились. Я хорошо помнила, как мама перенесла тяжёлую операцию и несколько недель провела в больнице. Мне приходилось ездить к ней почти каждый вечер после работы, договариваться с врачами, покупать необходимые вещи и одновременно заниматься домашними делами. Марк помогал деньгами и даже несколько раз отвозил меня в больницу, но однажды объявил, что на несколько дней уезжает за мотоциклом, который давно искал. Я попросила его отложить поездку хотя бы до того времени, когда маму выпишут. Он раздражённо ответил, что ничего страшного не происходит, врачи занимаются своим делом, а я вполне взрослая женщина и могу справиться без него. Мы тогда сильно поссорились, но Марк всё равно уехал. Вернувшись, он привёз мне коробку конфет и искренне удивился, почему я не рада его приезду. Для него всё уже закончилось: мотоцикл был куплен, мама поправлялась, а значит, причин для обиды больше не существовало.

Я отогнала неприятное воспоминание и занялась завтраком. Сегодня мне совершенно не хотелось снова думать о прежних ссорах. К тому же в шкафу висело новое тёмно-зелёное платье, которое я купила специально к годовщине, а на вечер была назначена укладка в парикмахерской. Мне хотелось выглядеть красивой, получить от мужа хотя бы несколько искренних комплиментов и провести праздник без привычных замечаний о том, сколько денег можно было бы потратить на что-нибудь более полезное. Я даже заранее решила не спорить с ним из-за гостей. Пусть ресторан, пусть приятели из мотоклуба, пусть разговоры о работе и машинах. В конце концов, двадцать пять лет совместной жизни заслуживали хотя бы одного вечера, во время которого мы сумеем обойтись без ссор.

Марк появился на кухне ближе к десяти часам. Он уже успел принять душ, надел домашние брюки и футболку, а в руках держал телефон. Не поздоровавшись, муж подошёл к кофе-

машине и начал набирать сообщение, время от времени недовольно щурясь. Я поставила перед ним тарелку с омлетом и спросила, не хочет ли он сначала позавтракать, но Марк только кивнул, продолжая печатать. Некоторое время мы сидели молча. Потом телефон зазвонил, и муж, даже не извинившись, принял вызов.

— Да, Виталий, всё в силе, — заговорил он оживлённо, отодвигая тарелку. На его лице сразу появилась та самая улыбка, которой я не видела за завтраком уже несколько месяцев. — Конечно, привози жену. Я же говорил, что стол заказан на всех. И Серёга будет, и остальные ребята. Посидим нормально, не каждый год двадцать пять лет отмечаем. Да, фотографии захвати, я хочу потом показать кое-что интересное.

Я допила кофе, стараясь не прислушиваться к разговору, хотя это было довольно трудно. Марк смеялся, обсуждал ресторан, вспоминал какую-то недавнюю встречу и совершенно не замечал, что я сижу напротив. Когда разговор закончился, я убрала посуду в раковину и спросила, во сколько нам нужно приехать. Муж сообщил, что к семи вечера, после чего снова потянулся к телефону. Я некоторое время смотрела на него, ожидая хотя бы обычного поздравления, и наконец не выдержала.

— Марк, ты ничего не забыл? — спросила я, опираясь ладонями о край стола. Он поднял глаза и посмотрел на меня с недоумением, словно я отвлекла его от чего-то чрезвычайно важного. — Сегодня всё-таки наша годовщина. Я с самого утра пытаюсь с тобой поговорить, а ты только обсуждаешь гостей и мотоциклы.

— Господи, Кира, да что опять не так? — раздражённо произнёс муж, откладывая телефон. Он поднялся, подошёл ко мне и довольно небрежно поцеловал в щёку. — С годовщиной тебя, дорогая. Вот, поздравил. Вечером будет хороший ресторан, цветы, гости, всё как положено. Не надо искать проблему там, где её нет.

Я хотела возмутиться, но вместо этого неожиданно рассмеялась. Марк посмотрел на меня с подозрением, словно ожидал очередной претензии, а я только покачала головой и сказала, что иногда он бывает совершенно невозможным. Муж удовлетворённо улыбнулся, решив, по-видимому, что вопрос исчерпан, и отправился собираться в гараж. Я проводила его взглядом и не стала спрашивать, действительно ли необходимо ехать туда именно сегодня. В конце концов, до вечера оставалось достаточно времени, а я твёрдо решила не начинать очередную ссору в собственную годовщину.

В парикмахерской я немного развеселилась. Мастер, у которой стриглась уже несколько лет, сделала мне красивую укладку, уложив волосы мягкими волнами, и посоветовала чаще носить их распущенными. По дороге домой я зашла в цветочный магазин, купила небольшой букет для стола и поймала себя на том, что снова волнуюсь, словно собираюсь на первое свидание. Мне хотелось верить, что вечером Марк увидит меня не просто привычной женой, которая живёт с ним четверть века, а женщиной, которую когда-то так настойчиво добивался. Я вспомнила, как он приходил к моему подъезду с цветами, как однажды простоял почти час под дождём, потому что я задержалась на работе, и как смеялся, когда я ругала его за мокрую куртку. Тогда Марк не жалел времени на встречи со мной. Он мог отменить собственные планы ради обычной прогулки и с удовольствием слушал, когда я рассказывала о своих делах.

К шести часам я была готова. Зелёное платье красиво сидело по фигуре, туфли на невысоком каблуке подходили к нему почти идеально, а серебряные серьги, подаренные мужем ещё на десятилетие свадьбы, показались особенно уместными. Я стояла перед зеркалом в прихожей, когда Марк вышел из спальни в тёмном костюме. Он посмотрел на меня, задержал взгляд чуть дольше обычного и неожиданно улыбнулся. У меня даже потеплело на душе, настолько я успела отвыкнуть от его искреннего внимания.

— Хорошо выглядишь, — сказал он, поправляя манжету рубашки. Затем подошёл ближе, окинул меня оценивающим взглядом и добавил: — Только помаду бы не такую яркую. У тебя с ней лицо какое-то слишком строгое. Хотя ладно, если тебе нравится, оставь.

— Спасибо, Марк, — ответила я, не удержавшись от насмешки. Он заметил мой тон, но предпочёл не развивать разговор, а я решила не объяснять, почему даже обычный комплимент ему непременно нужно сопровождать замечанием. — Ты тоже прекрасно выглядишь. Нам пора, иначе опоздаем на собственный праздник.

В ресторан мы приехали почти одновременно с первыми гостями. Марк сразу преобразился: оживился, начал шутить, помогать женщинам с верхней одеждой, расспрашивать приятелей о дороге и распоряжаться, куда кому садиться. Я стояла рядом, улыбалась знакомым, принимала поздравления и постепенно убеждала себя, что вечер действительно получится приятным. Ресторан был красивым, с мягким освещением, большими окнами и небольшими столиками, расставленными в отдельном зале. На нашем столе стояли цветы, горели свечи, официанты приносили напитки и закуски. Я заметила, что Марк позаботился обо всём достаточно тщательно, и даже почувствовала благодарность. Возможно, я действительно слишком придиралась к его решению пригласить друзей. Он ведь хотел устроить настоящий праздник и не пожалел для этого ни времени, ни денег.

Сергей пришёл вместе с женой Ириной и сразу обнял нас обоих. Мы знали друг друга почти двадцать лет, ещё с тех времён, когда Марк только начинал интересоваться старинными мотоциклами. Сергей был спокойным, немного полноватым мужчиной, который редко повышал голос и предпочитал не вмешиваться в чужие ссоры. Его жена всегда относилась ко мне тепло, поэтому я искренне обрадовалась их приходу. Следом появились Виталий Фомин с супругой, потом остальные гости, и вскоре за столом стало шумно. Женщины обсуждали работу, поездки и домашних животных, мужчины довольно быстро перешли к разговорам о машинах и предстоящих встречах мотоклуба. Марк сидел во главе стола, довольный происходящим, и то и дело поднимал бокал, предлагая новые тосты.

— Ну что, за наших юбиляров! — объявил Сергей, когда все наконец расселись. Он поднялся, улыбнулся мне и Марку и некоторое время подбирал слова. — Двадцать пять лет вместе — это, знаете ли, серьёзный срок. Мы с Ириной вас почти столько и знаем. Помню, как вы в нашей старой квартире Новый год встречали, ещё молодые совсем были. Марк тогда только и рассказывал, какая у него замечательная жена. Желаю вам ещё много хороших лет, здоровья и чтобы всегда было о чём поговорить друг с другом.

Я улыбнулась и поблагодарила Сергея. Его слова неожиданно растрогали меня, особенно воспоминание о давнем Новом годе. Тогда мы действительно были очень счастливы. Марк обнимал меня за талию, помогал накрывать на стол и постоянно предлагал всем посмотреть фотографии из нашего первого отпуска. Я уже собиралась рассказать какую-нибудь смешную историю, связанную с тем вечером, но муж опередил меня. Он поднялся с бокалом и довольно громко поблагодарил друга за поздравление.

— Да, четверть века прожили, сами не заметили, — сказал Марк, с удовольствием оглядывая гостей. Он положил ладонь мне на плечо и слегка притянул к себе. — Кире, конечно, памятник при жизни поставить можно. Она у меня женщина с характером, вы сами знаете. Другой бы давно сбежал от её разговоров, а я вот терплю. Но хозяйка хорошая, тут ничего не скажешь. Да и вообще без неё было бы скучно.

За столом послышался смех. Я тоже улыбнулась, хотя последние слова задели меня сильнее, чем хотелось признать. Марк часто шутил подобным образом, и раньше я действительно смеялась вместе со всеми. Теперь же мне было неприятно слышать, что двадцать пять лет брака он способен описать исключительно как испытание собственного терпения. Я осторожно убрала его руку с плеча и взяла бокал, надеясь, что разговор перейдёт к чему-нибудь другому. Однако муж уже увлёкся воспоминаниями о наших первых годах и начал рассказывать, как трудно ему было приучить меня к порядку.

— Помнишь, Кира, как ты в первое время всё пыталась по-своему делать? — спросил он, повернувшись ко мне с широкой улыбкой. Марк явно рассчитывал, что я поддержу его

шутку, и даже подмигнул Сергею. — Я ей говорю одно, она начинает спорить. Потом всё равно оказывается, что я был прав. Так и живём двадцать пять лет. Главное, мужику сразу характер показать, а дальше семья сама становится нормальной.

— Я прекрасно помню, как мы жили в первое время, — ответила я, стараясь говорить ровно. Ирина рядом со мной слегка повернула голову, заметив изменение моего тона. — Особенно помню, как ты однажды решил самостоятельно повесить кухонную полку, а потом мы целую неделю заделывали дыру в стене. Так что не всегда оказывалось, что ты прав. Иногда мне приходилось спасать нас от твоей замечательной уверенности.

На этот раз гости засмеялись уже над Марком. Сергей даже хлопнул ладонью по столу, вспоминая историю с полкой, а Виталий попросил рассказать подробнее. Муж улыбнулся, но я заметила, как неприятно ему стало оттого, что внимание неожиданно переключилось на его собственную ошибку. Он быстро перевёл разговор на работу, начал рассказывать о недавней удачной сделке и через несколько минут снова оказался в центре внимания. Я не стала вмешиваться. Мне хотелось провести вечер хорошо, а не соревноваться с собственным мужем в том, кто сумеет рассмешить гостей.

Ближе к середине ужина официанты принесли горячее, и разговоры ненадолго стали тише. Я воспользовалась этим моментом, чтобы достать из сумочки маленькую коробочку с фотографией. Марк сидел рядом и как раз обсуждал с Виталием какую-то деталь для своего мотоцикла, поэтому я осторожно коснулась его руки. Муж повернулся не сразу, а когда наконец посмотрел на меня, на лице у него появилось рассеянное выражение человека, которого отвлекли от важного занятия. Я протянула ему подарок и улыбнулась, стараясь не замечать этого.

— С годовщиной, Марк, — сказала я, положив коробочку перед ним. Мне было немного неловко вручать подарок при всех, но я слишком долго его готовила, чтобы откладывать до дома. — Я нашла нашу старую фотографию, помнишь? С той поездки к морю, когда мы ещё совсем молодыми были. Мне захотелось, чтобы она снова стояла у нас дома, как раньше.

Марк открыл коробочку, достал рамку и несколько секунд рассматривал снимок. На мгновение выражение его лица смягчилось, и я даже подумала, что он сейчас вспомнит что-нибудь приятное. Однако затем Виталий перегнулся через стол, желая посмотреть, и муж с готовностью повернул фотографию к нему. Он начал рассказывать, как мы тогда ездили на море почти без денег, каким ужасным был наш пансионат и как ему приходилось искать нормальные места для ужина. Гости смеялись, кто-то попросил показать снимок поближе, а Марк продолжал развлекать компанию. Я сидела рядом, чувствуя себя немного глупо. Мне хотелось подарить ему воспоминание о нас двоих, а получилось ещё одно весёлое застольное развлечение.

— Спасибо, Кир, хорошая фотография, — сказал муж, когда рамка вернулась к нему. Он поставил её возле своей тарелки и снова повернулся к Виталию. — Кстати, о старых временах. Ты ведь помнишь, сколько я тогда мечтал о нормальном мотоцикле? Вот уж не думал, что через двадцать пять лет у меня будет такая коллекция. А ведь ещё не предел, между прочим.

Я опустила глаза на тарелку. Подарок стоял совсем рядом, но Марк больше на него не смотрел. Ирина, заметив моё настроение, тихонько коснулась моей руки и предложила выйти ненадолго в соседний зал, где играла музыка. Я согласилась с благодарностью. Несколько минут мы разговаривали о её работе, о предстоящих праздниках, о каких-то совершенно обычных вещах, и мне постепенно стало легче. Я даже начала сердиться на себя за то, что слишком остро реагирую на каждое замечание мужа. Возможно, он просто увлёкся разговором и совсем не хотел меня обидеть. За годы совместной жизни я не раз находила подобные объяснения его поведению, и обычно этого хватало, чтобы успокоиться.

Когда мы вернулись за стол, мужчины уже оживлённо обсуждали очередное приобретение Марка. Он держал телефон перед собой, показывая гостям фотографии каких-то металли-

ческих деталей. Сергей внимательно рассматривал экран, Виталий задавал вопросы, а остальные слушали с интересом. Я не собиралась вмешиваться, но услышала знакомое название мотоцикла и невольно прислушалась. Речь шла о самом дорогом экземпляре коллекции, который Марк приобрёл несколько лет назад и с тех пор постоянно совершенствовал. Мне казалось, что в эту машину уже вложено столько денег, сколько хватило бы на ещё одну небольшую квартиру. Муж, разумеется, считал подобные сравнения совершенно неправильными и всегда раздражался, когда я пыталась обсуждать стоимость его увлечения.

— Наконец-то нашёл полный комплект, представляете? — с гордостью рассказывал Марк, увеличивая фотографию на экране. Он говорил громко, явно наслаждаясь вниманием приятелей. — Оригинальные детали, состояние практически идеальное. Полгода искал, уже думал, что ничего не получится. А тут человек сам вышел на связь. Пришлось, конечно, раскошелиться, но такие вещи второй раз не попадаются.

— И сколько отдал, если не секрет? — поинтересовался Виталий, внимательно разглядывая снимок. Он был человеком состоятельным, хорошо разбирался в старой технике и обычно не удивлялся даже очень крупным суммам. — Судя по состоянию, удовольствие недешёвое.

— Триста восемьдесят тысяч, — ответил Марк с довольной улыбкой. Он откинулся на спинку стула и посмотрел на приятелей, ожидая реакции. — Но там ещё доставка была, кое-что отдельно оплачивал. В общем, под четыреста вышло. Зато теперь машина будет практически в идеальном состоянии. Вот это, я понимаю, подарок самому себе на серебряную свадьбу!

Я сначала даже не поняла, что услышала. Почти четыреста тысяч рублей. Именно такую сумму мы несколько месяцев откладывали на большой отпуск у моря, который собирались устроить следующей весной. Я перевела взгляд с телефона Марка на его лицо и почувствовала, как внутри неприятно похолодело. Муж продолжал что-то рассказывать Виталию, размахивал руками, смеялся, совершенно не замечая, что я перестала улыбаться. Я осторожно поставила бокал на стол и повернулась к нему.

— Марк, подожди, — произнесла я, стараясь не повышать голос. Он не сразу обратил внимание, поэтому мне пришлось повторить громче. — Ты сейчас сказал, что потратил почти четыреста тысяч? На детали для мотоцикла? А откуда ты взял эти деньги?

Муж посмотрел на меня с явным неудовольствием. За столом постепенно стало тише, хотя несколько гостей ещё продолжали разговаривать между собой. Марк убрал телефон в карман и попытался улыбнуться, словно я задала совершенно неуместный вопрос. Я уже знала это выражение его лица. Обычно оно появлялось перед тем, как он начинал объяснять мне, почему я ничего не понимаю в важных мужских делах.

— Кир, ну не сейчас же, — сказал он, слегка наклоняясь ко мне. Голос у него оставался достаточно громким, чтобы окружающие могли всё слышать. — Мы празднуем, люди собрались. Давай не будем обсуждать семейную бухгалтерию за столом. Потом поговорим, если тебе так интересно.

— Мне интересно сейчас, — ответила я и почувствовала, как начинает дрожать голос. Я старалась говорить спокойно, но происходящее уже слишком напоминало все наши прежние ссоры. — Мы ведь откладывали деньги на отпуск. Ты сам говорил, что весной поедем к морю на две недели. Там примерно такая сумма и была. Марк, скажи мне прямо, ты взял деньги с нашего счёта?

Он раздражённо выдохнул, отодвинул тарелку и посмотрел на меня так, словно я собиралась испортить ему весь вечер из-за пустяка. Несколько секунд Марк молчал, явно решая, стоит ли отвечать при гостях. Потом пожал плечами и произнёс с той небрежностью, которая всегда доводила меня до бешенства.

— Ну взял, и что? — спросил он, оглядывая присутствующих. Сергей перестал улыбаться и осторожно поставил бокал на стол. — Деньги лежали без дела, детали подвернулись сейчас.

Не покупать же мне было их через полгода, когда ты соберёшься на море? Отпуск никуда не денется. Ещё заработаем, что ты так разволновалась?

— Без дела? — переспросила я, не веря собственным ушам. Мне казалось, что муж сейчас непременно добавит, будто пошутил, но Марк продолжал смотреть на меня с раздражённым недоумением. — Мы почти год планировали эту поездку! Я специально откладывала деньги, отказалась от нескольких покупок, выбирала отель, смотрела билеты. Ты сам говорил, что мы наконец поедем вдвоём и ни о чём не будем заботиться. И теперь оказывается, что ты просто забрал все деньги на очередные железки?

— Во-первых, не железки, а оригинальные детали, — с нажимом ответил Марк. Он выпрямился и заметно повысил голос, окончательно перестав заботиться о том, что мы сидим за праздничным столом. — Во-вторых, я не обязан спрашивать разрешения на каждую покупку. Я эти деньги зарабатываю, между прочим. И если подвернулась хорошая возможность, я не собираюсь от неё отказываться только потому, что тебе приспичило полежать на пляже.

За столом стало совсем тихо. Я видела, как Ирина опустила глаза, а Сергей неловко пошевелился на стуле, словно собирался что-то сказать. Виталий больше не смотрел на фотографии, которые ещё минуту назад казались ему такими интересными. Мне было мучительно стыдно за происходящее, но ещё сильнее хотелось схватить мужа за плечи и заставить наконец понять, что он сделал. Ведь дело было даже не в четырёхстах тысячах. Я бы, наверное, смогла пережить потерю денег, если бы Марк хотя бы посоветовался со мной, объяснил, почему покупка так важна, предложил вместе изменить планы. Но он просто взял наши накопления и теперь искренне возмущался, что я осмелилась задать вопрос.

— Значит, ты зарабатываешь, а я только на пляжах лежать хочу? — спросила я, уже не пытаясь скрыть злость. Марк дёрнул плечом, словно собирался ответить, но я не дала ему вставить слово. — А то, что я тоже работаю, тебя совершенно не интересует? Мы вместе откладывали эти деньги, Марк. Вместе! И я не давала согласия тратить их на твой мотоцикл. Неужели ты действительно считаешь, что можешь распоряжаться всем, не спрашивая меня?

— Господи, опять начинается, — произнёс муж, демонстративно закатив глаза. Он повернулся к гостям и развёл руками, будто приглашал их оценить нелепость моего поведения. — Вот видите, друзья, с чем мне приходится жить? Двадцать пять лет одно и то же. Стоит мужику что-нибудь для себя купить, как немедленно начинается проверка семейных финансов. Кира у нас любит командовать, только никак не привыкнет, что последнее слово всё равно за мной.

Несколько человек неловко улыбнулись. Я заметила это и почувствовала, как к лицу приливает кровь. Марк, по-видимому, принял чужую неловкость за поддержку и окончательно развеселился. Он снова взял бокал, покачал головой и продолжил, хотя я уже смотрела на него с откровенной ненавистью.

— Да ладно тебе, Кир, не строй такое лицо, — сказал он, снисходительно улыбаясь. — Пошумишь, повозмущаешься, а завтра опять будешь нормальной женой. Мы же все знаем, чем такие разговоры заканчиваются. Ты у меня женщина громкая, спору нет, но в итоге всё равно делаешь так, как я скажу. Иначе мы бы двадцать пять лет вместе не прожили.

Я смотрела на мужа и никак не могла заставить себя поверить, что он действительно произнёс эти слова. Не дома, не в запале очередной ссоры, а перед людьми, которых сам пригласил отпраздновать нашу серебряную свадьбу. Марк сидел довольный собой, с бокалом в руке, и даже не понимал, насколько отвратительно выглядит со стороны. Ему казалось, что он продемонстрировал приятелям собственную мужскую уверенность, а я должна поддержать шутку и смириться. В памяти вдруг всплыли десятки похожих вечеров, когда я улыбалась через силу, чтобы не портить отношения с гостями, а потом дома пыталась объяснить мужу, почему мне

было обидно. Он неизменно отвечал, что я совершенно не понимаю юмора и слишком серьёзно воспринимаю безобидные слова.

— Нет, Марк, — сказала я, медленно поднимаясь со стула. Голос прозвучал неожиданно твёрдо, хотя руки у меня заметно дрожали. — Завтра я не буду делать вид, что ничего не произошло. И сегодня не стану. Ты можешь сколько угодно рассказывать друзьям, какой ты замечательный муж и как прекрасно умеешь командовать собственной женой, но я больше не собираюсь участвовать в этом представлении.

Марк нахмурился, явно не ожидая, что я отвечу всерьёз. Он поставил бокал на стол и попытался схватить меня за руку, но я отстранилась. Ирина осторожно поднялась со своего места, словно собиралась подойти ко мне, однако я покачала головой. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь вмешивался. Я слишком долго позволяла мужу превращать наши семейные разногласия в развлечение для окружающих и теперь хотела закончить разговор сама.

— Сядь, Кира, не позорься, — процедил Марк, уже не улыбаясь. Он наклонился ко мне, стараясь говорить тише, но раздражение в его голосе было слышно всем. — Ты ведёшь себя как маленькая девочка. У нас гости, праздник, люди пришли поздравить. Неужели нельзя хотя бы один вечер обойтись без твоих скандалов?

— Я тоже хотела провести этот вечер без скандала, — ответила я, чувствуя, как от злости начинают жечь глаза. — Очень хотела, Марк. Я купила платье, приготовила тебе подарок, собиралась вспоминать нашу свадьбу и всё хорошее, что между нами было. А ты весь вечер рассказываешь, как ловко научился мной командовать, и хвастаешься тем, что потратил наши отпускные деньги. Ты хоть понимаешь, насколько это унизительно? Или тебе действительно совершенно всё равно?

— Кира, давай успокоимся, — осторожно вмешался Сергей, поднимаясь из-за стола. Он посмотрел сначала на меня, потом на Марка и явно не знал, как исправить положение. — Может, вы потом дома поговорите? Не нужно сейчас выяснять отношения при всех. Марк, ты тоже хорош, конечно, но давайте не будем портить людям вечер.

— А я и не собирался ничего портить! — раздражённо бросил муж, повернувшись к приятелю. Он снова посмотрел на меня и презрительно усмехнулся. — Это моя жена решила устроить спектакль из-за каких-то денег. Вечно одно и то же. Ничего, Сергей, не переживай. Завтра она сама успокоится, ещё и извиняться придёт. Я её характер за двадцать пять лет прекрасно изучил.

После этих слов мне уже нечего было говорить. Я взяла сумочку, достала из неё телефон и направилась к выходу. Ирина попыталась проводить меня, но я попросила её остаться, потому что не хотела ни сочувствия, ни новых разговоров. Марк даже не поднялся со стула. Уже возле двери я услышала, как он обращается к гостям, пытаясь вернуть прежнее весёлое настроение. Он предложил продолжать ужин, уверяя, что жена просто устала и завтра всё будет хорошо. Я не стала оборачиваться. В гардеробе долго не могла попасть рукой в рукав пальто, а девушка, помогавшая мне одеться, тактично отвернулась, заметив, что я с трудом сдерживаю слёзы.

На улице было холодно. Мелкий дождь блестел в свете фонарей, машины медленно двигались по мокрому асфальту, а возле входа в ресторан стояла компания молодых людей, оживлённо обсуждавших что-то своё. Я отошла подальше и заказала такси, едва различая буквы на экране телефона. Мне хотелось плакать, кричать, вернуться в ресторан и высказать Марку всё, что я не успела произнести за столом. Но ещё сильнее было желание оказаться дома, снять ненавистное платье и больше никого не видеть. Когда приехала машина, я села на заднее сиденье и назвала адрес. Водитель осторожно спросил, не холодно ли мне, и только тогда я заметила, что дрожу. Я ответила, что всё в порядке, отвернулась к окну и принялась смотреть на огни, расплывавшиеся за мокрым стеклом.

По дороге я несколько раз вспоминала слова мужа. Он был совершенно уверен, что завтра я успокоюсь и сама приду мириться. Наверное, у него имелись все основания так думать. Я

действительно много раз поступала именно таким образом. После ссор мы могли не разговаривать день или два, Марк демонстративно занимался собственными делами, а я постепенно начинала искать повод восстановить отношения. Иногда готовила его любимый ужин, иногда предлагала куда-нибудь сходить, иногда просто первой заговаривала о бытовых мелочах. Муж быстро забывал причину конфликта, а если я пыталась вернуться к неприятному разговору, раздражался и спрашивал, зачем снова ворошить прошлое. Я уступала, потому что не хотела жить в постоянной ссоре. Теперь же мне впервые стало по-настоящему страшно от мысли, что так может продолжаться ещё двадцать пять лет.

Дома я сняла туфли прямо в прихожей и прошла на кухню. Квартира встретила меня привычной тишиной, чистыми поверхностями, тщательно подобранной мебелью и фотографиями, которые мы с Марком когда-то вместе выбирали для стен. Здесь было всё, о чём мы мечтали в молодости: просторная гостиная, большая спальня, удобная кухня, хороший ремонт. Мы приобрели квартиру четыре года назад, продав прежнее жильё и взяв кредит, который ещё предстояло выплачивать несколько лет. Тогда Марк уверял, что теперь у нас наконец будет достаточно места и для отдыха, и для гостей, и для спокойной старости. Я действительно любила этот дом. Сама выбирала шторы, долго искала подходящий обеденный стол, радовалась каждой новой мелочи. И всё же в последние годы мне всё чаще казалось, что здесь я не хозяйка, а человек, который обязан поддерживать порядок в жилище мужа.

Я открыла холодильник, достала бутылку воды и выпила почти половину прямо из горлышка. Потом посмотрела на часы. Было немного больше одиннадцати, и Марк, судя по всему, даже не собирался возвращаться. Он не позвонил, не написал, не спросил, как я добралась домой. На телефоне появились только два сообщения от Ирины. Она спрашивала, всё ли со мной в порядке, и предлагала поговорить, если мне захочется. Я ответила, что добралась благополучно и благодарна за заботу, после чего отложила телефон. Мне совершенно не хотелось обсуждать случившееся. Я уже знала, что стоит начать рассказывать, и слёзы польются сами собой.

В спальне я сняла платье и аккуратно повесила его на плечики. Ещё утром мне казалось, что оно станет одной из приятных памятных вещей, связанных с нашей годовщиной. Теперь даже смотреть на него было неприятно. Я переоделась в домашнюю одежду, смыла макияж и долго стояла перед зеркалом, разглядывая покрасневшие глаза. Мне было обидно не столько из-за потраченных денег, сколько из-за того, что Марк совершенно не попытался понять меня. Он ведь мог просто извиниться. Мог сказать, что поспешил с покупкой, предложить вместе подумать, как восстановить накопления, признать хотя бы то, что поступил неправильно. Вместо этого он предпочёл выставить меня посмешищем перед людьми, которые пришли поздравить нас с годовщиной.

Марк вернулся далеко за полночь. Я услышала, как в прихожей хлопнула дверь, затем раздались шаги, шорох снимаемого пальто и раздражённое ворчание. Муж прошёл на кухню, открыл холодильник, чем-то погремел и наконец заглянул в спальню. От него пахло алкоголем и ресторанной едой, хотя держался он вполне уверенно. Увидев, что я не сплю, Марк остановился в дверях и усмехнулся. По выражению его лица я сразу поняла, что никакого примирения сегодня не будет.

— Ну что, закончился концерт? — спросил он, прислонившись плечом к дверному косяку. Муж посмотрел на моё домашнее платье и распущенные волосы, потом перевёл взгляд на часы. — Ты хоть понимаешь, как глупо выглядела сегодня? Люди пришли нас поздравить, а ты посреди ужина устроила истерику и сбежала. Мне потом пришлось за тебя извиняться.

— Тебе пришлось извиняться за меня? — переспросила я, поднимаясь с кровати. До его прихода я немного успокоилась, но теперь злость вспыхнула снова. — Ты серьёзно, Марк? Это ты потратил наши деньги, это ты весь вечер унижал меня перед гостями, а извиняться почему-то пришлось тебе? Может, расскажешь, что именно ты им говорил после моего ухода?

— Да ничего особенного, — отмахнулся он, проходя в спальню. Марк снял часы, положил их на комод и начал расстёгивать рубашку, демонстративно не глядя на меня. — Объяснил, что ты переутомилась, перенервничала, слишком много на себя взяла. Все всё прекрасно понимают, никто не обиделся. Только мне, знаешь ли, было неприятно сидеть там одному и выслушивать вопросы. Ты могла хотя бы дождаться конца ужина.

— А ты мог хотя бы раз в жизни подумать обо мне! — воскликнула я, уже не сдерживаясь. Марк раздражённо повернулся, но я продолжала говорить, чувствуя, как накопившиеся обиды наконец вырываются наружу. — Двадцать пять лет, Марк! Мы прожили вместе двадцать пять лет, а ты даже сегодня не сумел сделать так, чтобы я почувствовала себя любимой женой. Ты устроил праздник для своих друзей, весь вечер говорил о себе, а потом объявил при всех, что я всё равно буду делать то, что ты прикажешь. Ты вообще понимаешь, каково мне было это слышать?

Марк бросил рубашку на кресло и раздражённо выдохнул. Он явно не ожидал, что после нескольких часов одиночества я всё ещё собираюсь спорить. Обычно к его возвращению я уже начинала сомневаться в собственной правоте и хотя бы старалась говорить мягче. Сегодня же мне было совершенно безразлично, насколько неприятно ему слушать мои обвинения. Я слишком хорошо помнила смущённые лица гостей, довольную улыбку мужа и его уверенность в том, что назавтра всё вернётся на привычные места.

— Кира, хватит уже, — произнёс он, садясь на край кровати. Муж потёр лицо ладонями и посмотрел на меня с откровенным раздражением. — Я весь вечер слушал, какой я плохой, и теперь ещё дома должен продолжать? Ну купил я детали, и что дальше? Деньги заработаем. Отпуск перенесём на лето или осень. Ничего страшного не произошло, кроме твоего желания устроить трагедию на пустом месте.

— На пустом месте? — Я подошла к комоду и с силой положила на него телефон, который всё ещё держала в руке. — Ты помнишь, когда мы в последний раз куда-нибудь ездили вдвоём? Не с твоими приятелями, не на выставку мотоциклов, не к твоим знакомым, а просто вдвоём? Я тебе напомню, если забыл. Три года назад мы были на выходных в небольшом отеле, и даже тогда ты половину времени разговаривал по телефону. После этого я каждый год предлагала съездить куда-нибудь, а ты находил причины отказаться.

— Потому что я работаю, Кира! — резко ответил Марк, вскакивая с кровати. Он подошёл к шкафу, достал чистую футболку и сердито захлопнул дверцу. — Я не могу бросать всё каждый раз, когда тебе хочется развлечений. У меня ответственность, люди, работа. И благодаря этому, между прочим, мы живём в нормальной квартире, ездим на хорошей машине и не считаем копейки до зарплаты. Ты хотя бы иногда задумываешься об этом?

— А я, по-твоему, ничего не делаю? — спросила я, чувствуя, как начинает дрожать голос. Мне хотелось ударить ладонью по столу, но я заставила себя остаться на месте. — Я работаю, Марк. Каждый день. Я прихожу домой, занимаюсь хозяйством, покупаю продукты, оплачиваю наши расходы, решаю бытовые вопросы. Ты даже не знаешь, когда в последний раз у нас меняли фильтр для воды, потому что тебе никогда не приходилось этим заниматься. Но почему-то твоя работа считается важной, а моя — чем-то вроде приятного занятия на свободное время.

Марк презрительно усмехнулся. Он всегда особенно раздражался, когда я начинала сравнивать наши заработки. Его зарплата действительно была значительно выше моей, и я никогда не отрицала, что благодаря этому мы могли позволить себе многое. Но я не считала, что большая зарплата автоматически даёт человеку право распоряжаться всей семейной жизнью. Марк же воспринимал любые возражения как попытку оспорить его положение главы семьи.

— Не нужно рассказывать мне, сколько ты работаешь, — ответил он, поправляя футболку. — Я прекрасно знаю, что такое руководить настоящим делом, а не расписание тренировок составлять. Ты со своим спортивным центром можешь сколько угодно изображать боль-

шого начальника, но давай хотя бы дома не будем заниматься этой ерундой. Я зарабатываю достаточно, чтобы принимать решения о собственных покупках. И разрешения у тебя спрашивать не собираюсь.

Мне стало так обидно, что на мгновение я даже потеряла способность говорить. Марк прекрасно знал, сколько труда я вложила в спортивный центр, как начинала обычным администратором, училась, осваивала новые обязанности и постепенно стала управляющей. Он видел, сколько часов я проводила на работе, как иногда возвращалась домой совершенно без сил, как переживала из-за сотрудников и посетителей. И всё равно теперь говорил о моей профессии так, словно это было несерьёзное развлечение женщины, которой муж разрешил не сидеть дома. Я медленно опустилась на кресло и посмотрела на него, впервые за вечер почувствовав не только ярость, но и какое-то тяжёлое отвращение.

— Знаешь, что самое страшное, Марк? — спросила я после долгого молчания. Муж остановился возле шкафа, явно ожидая продолжения ссоры. — Ты ведь не просто не уважаешь мою работу. Ты вообще перестал уважать меня. Тебе смешно, когда я расстраиваюсь, ты раздражаешься, когда прошу о помощи, а если мне что-нибудь нужно, обязательно находишь причину отложить. Я ведь не требую невозможного. Мне просто хотелось, чтобы ты иногда вспоминал, что живёшь не один.

— Опять эти разговоры, — устало произнёс Марк. Он сел на кровать, потянулся за телефоном и начал просматривать сообщения. — Кира, мы уже сто раз это обсуждали. Тебе постоянно кажется, что я недостаточно внимателен, недостаточно ласков, недостаточно часто с тобой разговариваю. Но я не мальчик, чтобы каждый день объясняться в любви. Мы двадцать пять лет вместе, пора бы уже привыкнуть, что семейная жизнь состоит не только из прогулок под луной.

— А из чего она состоит, Марк? — спросила я, поднимаясь с кресла. Он продолжал смотреть в телефон, и это окончательно вывело меня из себя. — Из твоих мотоциклов? Из твоих друзей? Из того, что я должна молчать, когда ты распоряжаешься нашими деньгами? Помнишь, когда мама лежала в больнице и я просила тебя остаться со мной? Ты уехал за очередной машиной, потому что боялся упустить выгодную покупку. Мне тогда было страшно, я почти не спала, но ты даже не подумал, что мне нужен рядом собственный муж.

— Опять ты вспомнила эту историю, — раздражённо ответил Марк, наконец откладывая телефон. Он посмотрел на меня с таким видом, будто речь шла о давно надоевшей мелочи. — Твоей матери помогали хорошие врачи, я оплатил всё необходимое, она благополучно поправилась. Что ещё от меня требовалось? Сидеть возле больницы и держать тебя за руку? Я не врач, Кира, и ничем бы не помог.

— Да, Марк, именно этого и требовалось! — выкрикнула я, уже не пытаясь скрыть слёзы. Они выступили так неожиданно, что я рассердилась на себя ещё сильнее. — Мне нужно было, чтобы ты просто был рядом. Чтобы я могла приехать домой и рассказать тебе, как прошёл день, не боясь услышать, что отвлекаю тебя от важных дел. Чтобы ты хотя бы раз спросил, как я себя чувствую. Но ты так и не понял этого. Даже сейчас не понимаешь.

Марк поднялся и прошёл к окну. Некоторое время он стоял ко мне спиной, рассматривая тёмный двор, затем раздражённо задёрнул штору. Я знала, что сейчас он снова обвинит меня в излишней чувствительности или предложит успокоиться, но неожиданно муж повернулся и заговорил значительно жёстче. По его лицу было видно, что он окончательно потерял терпение.

— Слушай, Кира, мне надоело, — сказал Марк, глядя прямо на меня. Он произносил слова медленно, с явным желанием поставить точку в разговоре. — Я не собираюсь всю оставшуюся жизнь оправдываться за каждую покупку и каждую поездку. Если тебе так плохо со мной, если я такой ужасный муж, то зачем ты вообще здесь живёшь? Кто тебя держит? Собирай вещи и уходи, раз считаешь, что заслуживаешь лучшего. Посмотрим, насколько тебе понравится самостоятельная жизнь.

Я замолчала. Марк произнёс это почти буднично, как человек, который предлагает очевидное решение надоевшей проблемы. Он прекрасно знал, что я люблю наш дом, дорожу прожитыми годами и никогда прежде всерьёз не собиралась уходить. Наверное, именно поэтому ему было настолько легко бросать подобные слова. Я посмотрела на знакомую спальню, на большое зеркало, на фотографии в серебристых рамках и вдруг почувствовала, что больше не могу находиться здесь рядом с ним. Ещё утром я проснулась с надеждой на хороший праздник, а теперь стояла перед собственным мужем и понимала, что он не только не боится меня потерять, но и откровенно предлагает уйти, уверенный в собственной безнаказанности.

— Хорошо, — сказала я, медленно вытирая щёки ладонями. Марк посмотрел на меня с подозрением, словно не сразу понял смысл ответа. — Я уйду. Раз ты считаешь, что мне здесь не место, я больше не стану навязываться. Но только учти, Марк, это будет не очередная ссора на два дня. Я подам на развод.

Он несколько секунд молчал, а потом громко рассмеялся. Этот смех оказался, пожалуй, самым болезненным из всего, что я услышала за вечер. Марк даже покачал головой, словно я сказала нечто совершенно нелепое, после чего снова сел на кровать и потянулся к телефону. Я смотрела на него, чувствуя, как внутри медленно исчезают последние остатки надежды, с которой начинался этот день.

— На развод она подаст, — повторил он с насмешкой. Муж посмотрел на меня поверх телефона и снисходительно улыбнулся. — Кира, ты себя со стороны слышишь? Тебе сорок семь лет, мы четверть века вместе, у нас квартира, общая жизнь. И ты собираешься всё это разрушить из-за одной покупки? Ну попробуй, если хочется. Только потом не рассказывай, что я тебя не предупреждал.

— Дело не в одной покупке, — ответила я, стараясь говорить отчётливо. Мне хотелось, чтобы он наконец услышал хотя бы эти слова. — Дело в том, что ты давно перестал считать меня человеком, с которым нужно считаться. Сегодня ты просто показал это особенно ясно. И я больше не хочу так жить.

— Тогда не живи, — отрезал Марк, окончательно теряя интерес к разговору. Он лёг на кровать, натянул одеяло и повернулся к стене. — Только давай без ночных спектаклей. Хочешь разводиться — разводись, я тебя за руки держать не собираюсь. Но когда через месяц поймёшь, что натворила, не рассчитывай, что я сразу побегу тебя возвращать.

Я ещё некоторое время стояла посреди спальни, ожидая, что муж обернётся. В глубине души оставалась нелепая надежда, что он сейчас поднимется, остановит меня, хотя бы спросит, действительно ли я собираюсь уйти. Но Марк молчал, а через несколько минут его дыхание стало ровнее. Он действительно собирался спать. Для него наш разговор закончился, как заканчивались десятки прежних ссор, и к утру должен был потерять всякое значение.

Я вышла из спальни и прошла на кухню. Там всё ещё стоял букет, который утром купила по дороге из парикмахерской. Я долго смотрела на цветы, вспоминая, как выбирала их с радостным волнением, а затем неожиданно села за стол и заплакала. Не громко, не навзрыд, а так, как плачут люди, слишком долго сдерживавшие обиду. Мне было жаль себя, жаль прожитых лет, жаль того молодого Марка, который когда-то встречал меня возле работы с букетом полевых цветов и говорил, что не представляет жизни без меня. Я не могла понять, когда именно он превратился в человека, способного без малейшего сожаления предложить собственной жене убираться из дома. Наверное, это происходило постепенно, в сотнях маленьких уступок, которые казались мне необходимыми ради сохранения семьи.

Когда слёзы наконец закончились, я умылась и вернулась в спальню. Марк спал, отвернувшись к стене, и даже не пошевелился, когда я открыла шкаф. Я достала дорожную сумку, положила на кровать несколько комплектов одежды, бельё, домашние вещи и необходимые документы. Двигалась осторожно, стараясь не шуметь, хотя уже почти не боялась разбудить мужа. Потом взяла сумочку, нашла паспорт, банковскую карту, зарядное устройство для теле-

фона и небольшой пакет с лекарствами, которые обычно возила с собой. Остальные вещи я решила забрать позже, когда немного успокоюсь и смогу подумать, что действительно необходимо. Мне не хотелось среди ночи разбирать шкафы и превращать уход в очередную сцену.

На верхней полке лежала коробка со старыми фотографиями. Я потянулась к ней, но передумала, решив, что заберу всё это в другой раз. Там хранились снимки родителей, письма отца, памятные открытки и множество мелочей, которые собирала с молодости. Сейчас мне было трудно даже смотреть на них. Я аккуратно закрыла шкаф, поставила сумку возле двери и вернулась к туалетному столику. На руке блестело обручальное кольцо, которое я почти никогда не снимала. Я долго крутила его на пальце, вспоминая день нашей свадьбы. Марк тогда так волновался, что несколько раз пытался надеть кольцо не на ту руку, а я смеялась и шептала, чтобы он не торопился. Мне казалось, что всё это случилось совсем недавно.

Я сняла кольцо и положила его на ладонь. Оно было совершенно обычным, гладким, немного потёртым за долгие годы. Когда-то Марк подарил мне его с такой гордостью, словно вручал самую дорогую драгоценность в мире. Теперь я смотрела на маленький золотой ободок и пыталась понять, почему мне так трудно с ним расстаться. В конце концов, кольцо не было виновато в том, что произошло между нами. Оно просто напоминало о времени, когда мы оба верили, что проживём вместе всю жизнь.

Ближе к пяти утра я поняла, что больше не усну. За окном понемногу светлело, дождь прекратился, а во дворе начали появляться первые прохожие. Я оделась, умылась ещё раз и написала Оксане короткое сообщение, спросив, могу ли приехать к ней на несколько дней. Ответ пришёл почти сразу. Подруга не стала задавать вопросов, только написала, что будет ждать и приготовит завтрак. Я прочитала её сообщение несколько раз и почувствовала благодарность за эту простую готовность принять меня без расспросов. Затем заказала такси и вернулась на кухню.

Марк по-прежнему спал. Я слышала его дыхание из спальни и знала, что он проснётся не раньше девяти. На столе лежала салфетка, оставшаяся после вчерашнего завтрака, рядом стояла пустая чашка мужа. Я машинально хотела убрать её в раковину, но остановилась. Двадцать пять лет я делала подобные вещи совершенно автоматически. Убирала за ним посуду, складывала разбросанную одежду, напоминала о встречах и покупала продукты, которые он любил. Мне никогда не казалось это унизительным, пока Марк не начал воспринимать мою заботу как нечто обязательное, не заслуживающее даже обычной благодарности. Я оставила чашку на месте и достала из сумочки телефон.

На небольшом листке бумаги я написала, что уехала к Оксане и намерена подать на развод. Потом подумала, что Марк наверняка объявит записку очередным проявлением театральности, и решила отправить ему сообщение. Я не хотела оставлять длинных объяснений. Всё, что могла сказать, уже прозвучало ночью, и повторять это ещё раз не имело смысла. Я написала, что решение окончательное, возвращаться я не собираюсь, а оставшиеся вещи заберу позднее. Перечитала сообщение, исправила несколько слов и отправила. Затем сняла кольцо, которое всё ещё держала в кармане халата, и положила на кухонный стол рядом с телефоном мужа, оставленным там с вечера на зарядке.

Перед уходом я ещё раз обошла квартиру. Заглянула в гостиную, поправила край покрывала на диване, машинально закрыла дверцу шкафа, которую Марк оставил приоткрытой. На стене висела наша большая свадебная фотография. Мне было двадцать два года, Марку двадцать шесть, и мы смотрели друг на друга с такой счастливой уверенностью, что у меня снова защипало глаза. Я подошла ближе, провела пальцами по краю рамки и вспомнила, как мы выбирали этот снимок для печати. Марк тогда настаивал именно на нём, потому что ему нравилось, как я улыбаюсь. Теперь я не знала, когда он в последний раз замечал мою улыбку.

Я не стала снимать фотографию со стены. Взяла сумку, накинула пальто и тихо вышла из квартиры. В подъезде пахло свежевымытыми полами, где-то наверху хлопнула дверь, и я услы-

шала, как соседка разговаривает с маленькой собакой, собираясь на прогулку. Обычное утро продолжалось совершенно независимо от того, что моя семейная жизнь, по-видимому, только что закончилась. На улице было холодно, но после душной квартиры свежий воздух показался почти приятным. Я поставила сумку возле подъезда и стала ждать машину, чувствуя одновременно страх и странное облегчение. Мне предстояло объясняться с мужем, решать вопросы с жильём, деньгами и множеством вещей, о которых я пока даже не думала. Но возвращаться наверх совершенно не хотелось.

Такси приехало через несколько минут. Я назвала адрес Оксаны, устроилась на заднем сиденье и достала телефон, чтобы проверить сообщения. От Марка ничего не было, и я прекрасно понимала почему. Он всё ещё спал, уверенный, что жена просто обиделась и к вечеру начнёт искать повод для примирения. Я откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Впервые за много лет мне не нужно было думать, что приготовить мужу на завтрак, где лежат его чистые рубашки и во сколько он собирается ехать в гараж. Эта мысль показалась настолько непривычной, что я невольно открыла глаза и посмотрела на проносившиеся за окном дома.

Когда машина уже подъезжала к району, где жила Оксана, телефон коротко завибрировал. На экране появилось сообщение от Марка, и я сразу поняла, что он проснулся. Несколько секунд я не решалась открыть переписку, надеясь, вопреки всему произошедшему, увидеть хотя бы вопрос о том, куда я уехала и всё ли со мной в порядке. Однако муж написал совсем другое. Его короткое сообщение не содержало ни сожаления, ни тревоги, ни даже обычного удивления.

«Ну и устраивай свой спектакль, Кира. Вернёшься, когда надоест изображать независимость. Только не рассчитывай, что я стану перед тобой извиняться».

Я долго смотрела на экран, пока буквы не начали расплываться перед глазами. Марк действительно ничего не понял. Он увидел моё кольцо, прочитал сообщение о разводе и всё равно решил, что я просто пытаюсь заставить его просить прощения. Ему даже не пришло в голову, что жена может уйти не ради очередной ссоры, а потому, что больше не хочет быть рядом. Я открыла поле ответа, несколько раз набрала начало сообщения и стёрла его. Мне хотелось написать, как сильно он меня обидел, напомнить о серебряной свадьбе, объяснить, что всё это совершенно серьёзно. Но потом я убрала телефон в сумку. За двадцать пять лет я сказала мужу достаточно слов, и сегодня он снова показал, что не собирается их слушать.

Машина остановилась возле дома Оксаны. Подруга уже ждала меня у подъезда в тёплой куртке, наброшенной поверх домашней одежды. Увидев моё лицо, она ничего не спросила, только подошла, обняла и осторожно забрала из рук тяжёлую сумку. Я попыталась улыбнуться, но губы задрожали, и вместо улыбки получилось что-то жалкое. Оксана крепче прижала меня к себе, а затем предложила подняться домой, выпить горячего чаю и немного отдохнуть. Я кивнула и пошла следом, чувствуя, как усталость наконец наваливается всей тяжестью.

Мне было страшно думать о том, что произойдёт дальше. Я ещё не представляла, как Марк поведёт себя, когда поймёт, что возвращаться я действительно не собираюсь, и насколько трудным окажется наш развод. Но одну вещь я уже знала совершенно точно: сегодня я не поеду домой готовить ему завтрак, не стану извиняться за испорченную годовщину и не буду убеждать себя, что всё произошло из-за моей чрезмерной чувствительности. Я сняла обручальное кольцо не для того, чтобы напугать мужа, а потому, что больше не хотела носить его. И когда Оксана открыла дверь своей квартиры, пропуская меня внутрь, я впервые за всю ночь почувствовала, что действительно сделала то, на что так долго не решалась.

ГЛАВА 2. Я БОЛЬШЕ НЕ ТВОЯ ЖЕНА

Оксана не стала расспрашивать меня о случившемся, пока я снимала пальто и пыталась справиться с застёжкой дорожной сумки. Она только забрала у меня вещи, поставила их возле двери в гостиную и отправилась на кухню, пообещав приготовить что-нибудь горячее. Я прошла следом, чувствуя себя совершенно разбитой после бессонной ночи. В квартире подруги пахло свежесваренным кофе и поджаренным хлебом, на подоконнике стояли горшки с цветами, а за окном медленно светлело холодное октябрьское утро. Всё вокруг выглядело настолько привычным и спокойным, что мне на мгновение захотелось представить, будто ничего особенного не произошло. Я просто приехала к Оксане в гости, мы сейчас позавтракаем, обсудим последние новости, а потом я вернусь домой, где меня будет ждать муж. Но стоило вспомнить вчерашний ресторан, как перед глазами снова появилось довольное лицо Марка, и я почувствовала, что готова расплакаться прямо за кухонным столом.

— Садись, Кир, я сейчас всё принесу, — сказала Оксана, открывая холодильник. Она достала масло, сыр и небольшую тарелку с нарезанной ветчиной, после чего внимательно посмотрела на меня. — Ты вообще сегодня спала? Вид у тебя такой, будто всю ночь вагоны разгружала. Не обижайся, пожалуйста, но я тебя такой давно не видела.

— Не спала, — призналась я, садясь возле окна. Руки всё ещё немного дрожали, и я спрятала их под столом, чтобы подруга не заметила. — Мы с Марком поссорились. Очень сильно. Я ему сказала, что подам на развод, а он предложил убираться, если меня что-нибудь не устраивает. Вот я и убралась. Надеюсь, ты не против, что я без предупреждения к тебе приехала.

Оксана поставила передо мной чашку кофе и опустилась на соседний стул. Мы дружили почти двадцать лет, и она знала обо мне достаточно, чтобы не принимать подобные слова за очередное проявление дурного настроения. Подруга несколько секунд молчала, внимательно рассматривая моё лицо, а затем придвинула ближе тарелку с бутербродами.

— Ты можешь жить здесь столько, сколько понадобится, — ответила она, накрывая мою руку ладонью. — Комната свободная, никому мешать не будешь. Только поешь сначала, а потом расскажешь, если захочешь. Я ведь знаю, что вы последние годы постоянно ссоритесь, но не думала, что всё дойдёт до развода. Марк хотя бы знает, где ты находишься?

— Я написала, что уехала к тебе, — сказала я, доставая телефон из сумочки. Сообщение мужа по-прежнему оставалось последним в нашей переписке, и я протянула экран подруге. — Вот что он ответил. Даже не спросил, как я добралась. Считает, что я устроила спектакль и скоро вернусь. Представляешь, Оксан, он действительно уверен, что я без него не проживу.

Она прочитала сообщение, нахмурилась и вернула телефон. Я ожидала, что Оксана начнёт ругать Марка, но она только покачала головой и занялась кофе, давая мне возможность немного успокоиться. Это оказалось гораздо полезнее любых громких слов. Я взяла бутерброд, заставила себя откусить несколько раз и неожиданно почувствовала, насколько сильно проголодалась. Вчера в ресторане я почти ничего не ела, а после возвращения домой даже не вспомнила об ужине. Теперь пустой желудок болезненно напоминал о себе, хотя есть по-прежнему не особенно хотелось.

Я начала рассказывать о серебряной свадьбе. Сначала говорила довольно спокойно, стараясь последовательно вспомнить события вечера, но вскоре сама заметила, что всё чаще повышаю голос. Особенно трудно было вспоминать выражения лиц гостей, когда Марк объявил, будто за двадцать пять лет научил меня беспрекословно подчиняться его решениям. Мне казалось, что я снова стою возле праздничного стола и слышу его насмешки. Оксана несколько раз пыталась вставить слово, но я продолжала говорить, потому что слишком многое накопилось за последние месяцы. Я рассказала о деньгах на отпуск, о подаренной фотографии, о том, как

муж вечером обвинил меня в испорченном празднике, а затем предложил собрать вещи и уходить. Когда дошла до его слов о моей работе, голос окончательно сорвался.

— Он ведь прекрасно знает, сколько я работаю, — сказала я, сердито вытирая выступившие слёзы салфеткой. — Знает, что я иногда домой прихожу в девятом часу, что по выходным могу поехать в центр, если там что-нибудь случилось. Но для него это всё равно какая-то ерунда, понимаешь? Он большой начальник, зарабатывает деньги, а я, получается, просто развлекаюсь. И поэтому он имеет право решать, куда тратить наши накопления, а моё мнение никого не интересует.

— Я помню, как ты устраивалась в этот центр обычным администратором, — ответила Оксана, подливая мне кофе. Она смотрела на меня с таким искренним возмущением, что мне стало немного легче. — Помню, как ты училась по вечерам, как боялась, что тебя не назначат управляющей. Марк тогда ещё гордился твоим повышением. Что с ним вообще произошло, Кир? Раньше он хотя бы умел радоваться за тебя.

— Не знаю, — призналась я после короткого молчания. Мне не хотелось в очередной раз искать оправдания мужу, но и утверждать, что он всегда был таким, было бы неправдой. — Иногда мне кажется, что он постепенно привык считать всё хорошее в нашей жизни исключительно своей заслугой. Квартиру купили благодаря ему, машину поменяли благодаря ему, в отпуск ездили на его деньги. А то, что я тоже работала, занималась домом и отказывалась от собственных покупок, как будто вообще не считается. Я ведь никогда не требовала, чтобы мы жили одинаково. Мне просто хотелось, чтобы он помнил, что нас двое.

Оксана вздохнула и некоторое время молчала. Я знала, что она прекрасно помнит Марка совершенно другим человеком. Мы познакомились с ней, когда прожили в браке уже несколько лет, и тогда она часто бывала у нас дома. Марк сам готовил ужин, если я задерживалась, приносил цветы без всякого повода, мог среди рабочего дня позвонить и предложить вечером сходить в кино. Однажды, когда я сильно простудилась, он взял несколько свободных дней, чтобы быть рядом, варил куриный бульон и постоянно проверял, не поднялась ли температура. Я тогда смеялась над его чрезмерной заботой, а Оксана говорила, что мне необыкновенно повезло с мужем. Наверное, именно эти воспоминания и мешали мне столько лет окончательно признать, что прежнего Марка больше нет.

— Знаешь, я ведь тоже его другим помню, — тихо сказала подруга, словно прочитав мои мысли. Она откинулась на спинку стула и задумчиво посмотрела в окно. — Помнишь, как мы однажды собирались в театр, а у тебя сломался каблук прямо возле подъезда? Марк тогда сам поехал с тобой в магазин за новыми туфлями, а потом ещё опаздывал на какую-то встречу. И ни разу не пожаловался. Я тогда подумала, что вы действительно хорошая пара. Не могу сказать, что все двадцать пять лет он был ужасным человеком.

— Я тоже не могу, — ответила я, опуская глаза на чашку. Воспоминание неожиданно отозвалось болезненной нежностью, и мне снова пришлось сдерживать слёзы. — Если бы он всегда был таким, как сейчас, я бы не прожила с ним столько лет. Мы ведь действительно были счастливы, Оксан. Когда только поженились, денег почти не было, снимали маленькую квартиру, сами красили стены, покупали мебель постепенно. Марк тогда всё время говорил, что мы обязательно выберемся, что у нас будет хороший дом и сможем путешествовать. И я ему верила. А теперь у нас действительно есть всё, о чём мечтали, только ему уже совершенно неинтересно проводить со мной время.

Подруга не стала меня утешать привычными словами о том, что всё обязательно наладится. Она просто подвинула мне салфетки и дала возможность выплакаться. Я сидела на её кухне, вспоминала молодость и никак не могла понять, почему именно сейчас мне так жалко прожитых лет. Ведь ещё вчера я была уверена, что больше не выдержу подобного отношения, а сегодня уже хотелось вернуться в прошлое и найти тот момент, когда мы с Марком начали отдаляться друг от друга. Возможно, тогда я сумела бы остановиться, поговорить с ним серьёз-

нее, настоять на своём, не позволить первым неприятным привычкам превратиться в обычный порядок нашей жизни. Но всякий раз, когда возникало желание обвинить себя, я вспоминала, сколько раз пыталась объяснить мужу собственные чувства. Он слышал меня, просто не считал нужным что-либо менять.

После завтрака Оксана отвела меня в гостевую комнату, достала чистое постельное бельё и предложила немного поспать. Я согласилась, хотя была уверена, что сон не придёт. Слишком многое произошло за последние сутки, и мысли продолжали возвращаться к Марку, квартире, кольцу, оставленному на кухонном столе. Я легла под одеяло, закрыла глаза и почти сразу услышала, как подруга тихонько прикрыла дверь. Некоторое время я лежала неподвижно, а потом вдруг заснула. Проснулась уже после полудня от звука телефона и несколько секунд не могла понять, где нахожусь.

На экране высветилось имя Марка. Я смотрела на него, пока звонок не прекратился, затем прочитала пришедшее сообщение. Муж интересовался, где лежит папка с документами на машину, потому что собирался ехать в гараж и не мог её найти. Ни одного слова о вчерашнем вечере, о моём уходе или о разводе он не написал. Я сначала рассердилась, потом неожиданно почувствовала желание рассмеяться. Человек проснулся, обнаружил, что жена действительно уехала, и первое, что ему понадобилось, — документы на машину. Я ответила, что папка лежит в нижнем ящике письменного стола, где он сам оставил её неделю назад, после чего выключила звук.

Вечером Марк позвонил снова. На этот раз ему понадобилось узнать, где находятся чистые рубашки, которые он собирался надеть на работу. Я ответила, что они висят в шкафу, как обычно, и предложила самостоятельно разобраться с остальными вещами. Муж раздражённо спросил, долго ли я собираюсь продолжать глупую обиду, но я не стала вступать в спор. Сказала, что решение о разводе остаётся в силе, и закончила разговор. Через несколько минут пришло сообщение, в котором Марк объявил, что ему надоели мои выходки и он больше не собирается бегать за мной. Я прочитала его, удалила уведомление и впервые за день почувствовала облегчение. По крайней мере, сегодня мне не нужно было возвращаться домой и выслушивать очередную лекцию о собственной неблагодарности.

Следующие два дня прошли странно. Я то чувствовала себя почти спокойно, то неожиданно начинала плакать из-за какой-нибудь мелочи. Оксана старалась не оставлять меня надолго одну, но я понимала, что не могу бесконечно занимать её время собственными переживаниями. У подруги была своя работа, свои привычки, планы на вечера, и хотя она ни разу не пожаловалась на моё присутствие, мне хотелось как можно скорее устроиться самостоятельно. На третий день я начала искать съёмную квартиру. Сначала просмотрела несколько объявлений неподалёку от спортивного центра, потом позвонила по подходящим номерам и договорилась о просмотрах. Оксана предложила поехать со мной, но я отказалась. Мне хотелось хотя бы этот вопрос решить самостоятельно, без участия мужа, подруги или кого-нибудь ещё.

На работу я вернулась в понедельник, почти не выспавшись и с неприятной тяжестью в груди. Перед входом в спортивный центр несколько минут сидела в машине, разглядывая людей, которые торопились на утренние занятия. Они проходили мимо, разговаривали по телефону, смеялись, поправляли сумки на плечах, и никто даже не подозревал, насколько сильно изменилась моя жизнь за выходные. Я достала зеркальце, поправила волосы, подкрасила губы и заставила себя выйти из машины. Рабочий день начинался через пятнадцать минут, и у меня было достаточно дел, чтобы хотя бы ненадолго перестать думать о разводе.

В центре меня встретила администратор Настя, молодая энергичная девушка, которая работала у нас уже третий год. Она сразу протянула список вопросов, накопившихся за выходные, и начала рассказывать о недовольстве посетителей вечерними занятиями. Несколько человек жаловались на изменения расписания, один тренер попросил заменить ему рабочие часы, а в конце недели предстояло провести небольшое спортивное мероприятие для постоян-

ных клиентов. Я внимательно выслушала Настю, уточнила несколько обстоятельств и попросила пригласить ко мне сотрудников, которых касались изменения. Постепенно привычные заботы начали занимать всё больше места в голове, и я впервые с момента ухода из дома почувствовала себя человеком, который способен самостоятельно распоряжаться происходящим.

До обеда мне пришлось несколько раз выходить из кабинета, разговаривать с посетителями и успокаивать недовольных сотрудников. Один тренер настаивал на неудобном для остальных расписании, объясняя, что ему необходимо раньше уходить домой, а администраторы возражали, поскольку из-за этого возникали проблемы с записью клиентов. Я выслушала обе стороны, предложила изменить время двух занятий и договорилась о пробном расписании на следующую неделю. Мужчина сначала продолжал спорить, но после нескольких уточнений признал, что предложенный вариант его устраивает. Настя, стоявшая рядом, облегчённо выдохнула, а я неожиданно вспомнила, как Марк называл мою работу составлением расписания тренировок. Ему, наверное, никогда не приходило в голову, сколько разговоров, мелких конфликтов и человеческих переживаний приходится учитывать, чтобы такой центр нормально работал.

— Кира Андреевна, можно вас на минутку? — спросила Настя, заглядывая в кабинет ближе к обеду. Она держала папку с документами и выглядела немного виноватой. — Я хотела уточнить по субботнему мероприятию. У нас две группы просят разное время, а тренеры пока не могут договориться. Может, вы посмотрите, как лучше сделать? Я сама уже совсем запуталась.

— Давай сюда, — ответила я, придвигая к себе расписание. Настя села напротив и начала объяснять, кто из участников не может приехать утром, а кто предпочитает закончить пораньше. — Мы ведь можем немного сдвинуть начало и сделать перерыв между группами. Позови потом Светлану, пусть она тоже посмотрит. Не нужно пытаться угодить каждому по отдельности, иначе мы вообще ничего не проведём.

Настя улыбнулась и принялась делать пометки. Я заметила, как быстро она успокоилась после того, как мы нашли решение, и неожиданно почувствовала лёгкую гордость. На работе люди приходили ко мне не потому, что считали обязанной обслуживать их потребности, а потому, что доверяли моему опыту. Они могли спорить, предлагать собственные варианты, иногда обижались на мои решения, но никто не считал, будто я должна молчать только потому, что кто-то зарабатывает больше. Эта простая мысль показалась мне особенно важной после последних разговоров с мужем. Я закончила обсуждение, отпустила Настю и только тогда заметила, что уже почти два часа ни разу не вспомнила о Марке.

К вечеру усталость стала почти приятной. Я закончила рабочие вопросы, проверила подготовку к мероприятию и вышла из центра, собираясь посмотреть первую квартиру. Она находилась в двадцати минутах ходьбы от работы, в обычном девятиэтажном доме с небольшим двором. Хозяйка, женщина примерно шестидесяти лет, встретила меня возле подъезда и сразу предупредила, что жильё скромное, но после ремонта. Квартира действительно оказалась небольшой: одна комната, отдельная кухня, узкая прихожая и балкон, выходивший во двор. Мебель была простой, но чистой, в шкафу хватало места для вещей, а на кухне стоял небольшой обеденный стол возле окна. Я прошла по комнатам, осторожно открыла шкафчики и вдруг почувствовала, что здесь могла бы жить.

— Мне важно, чтобы в квартире было спокойно, — сказала хозяйка, когда мы вернулись на кухню. Она представилась Галиной Петровной и всё время внимательно наблюдала за моей реакцией. — Я давно её сдаю, с жильцами обычно хорошо ладим. Только шумные компании не люблю и прошу вовремя платить. Если вам подходит, можем договориться уже на этой неделе.

— Мне как раз нужен спокойный дом, — ответила я, присаживаясь на стул. Слова прозвучали немного печально, и я поспешила улыбнуться, чтобы женщина не решила, будто у меня какие-нибудь неприятности. — Я работаю неподалёку, почти весь день провожу на работе.

Гостей больших не собираю. Квартира мне нравится, только хотелось бы уточнить, можно ли будет поставить здесь свой небольшой стол и кое-что из личных вещей.

Галина Петровна охотно согласилась, объяснив, что прежние жильцы тоже привозили собственную мебель. Мы обсудили оплату, сроки и договорились встретиться через два дня. По дороге к машине я несколько раз оглянулась на окна квартиры. Мне было непривычно думать, что теперь придётся платить за жильё, хотя у нас с Марком имелась собственная большая квартира. Но возвращаться туда только ради экономии не хотелось. Я прекрасно понимала, что могу позволить себе скромную аренду на собственную зарплату, если немного сократить привычные расходы. Раньше мы жили значительно свободнее, однако деньги никогда не были для меня главной причиной оставаться с мужем.

В машине я открыла банковское приложение и ещё раз посмотрела на собственные накопления. Часть денег оставалась на моей личной карте, куда поступала зарплата, и этого вполне хватало на первый месяц аренды, залог и необходимые покупки. Наш общий счёт, с которого Марк оплатил детали для мотоцикла, почти опустел. Я долго смотрела на остаток, вспоминая, как осторожно откладывала туда деньги, надеясь весной наконец поехать к морю. Теперь пришлось признать, что отпуск отменяется, по крайней мере на ближайшее время. Но вместо привычной обиды я неожиданно почувствовала желание самой накопить необходимую сумму. Пусть не сразу, пусть через год, но однажды я обязательно отправлюсь в путешествие, о котором столько мечтала. И больше никому не позволю потратить эти деньги без моего согласия.

Оксана встретила известие о найденной квартире одновременно с радостью и огорчением. Она уверяла, что я могу оставаться у неё сколько угодно, но всё-таки признала, что собственное жильё поможет быстрее привыкнуть к новой жизни. Мы вместе съездили в магазин, купили несколько полотенец, постельное бельё и самые необходимые мелочи. Подруга пыталась уговорить меня выбрать красивые чашки, но я отмахивалась, считая подобные покупки преждевременными. Однако возле полки с посудой неожиданно остановилась перед небольшим набором белых чашек с голубым рисунком. Они совершенно не подходили к дорогому сервизу, который стоял в нашей с Марком квартире, но мне почему-то очень понравились. Я взяла две и положила в корзину, несмотря на насмешливую улыбку Оксаны.

— Ты сейчас на меня так смотришь, будто я целый мебельный магазин скупила, — сказала я, когда мы вышли к кассам. Подруга рассмеялась и помогла переложить покупки на ленту. — Просто захотелось свои чашки. Представляешь, у нас дома вся посуда была такая, какую Марк выбрал. Он терпеть не мог рисунки, говорил, что нормальные люди пьют кофе из однотонных чашек. А мне всегда нравились вот такие, немного смешные.

— Вот и будешь пить из них кофе, — ответила Оксана, забирая пакет с полотенцами. Она улыбнулась, но потом посмотрела на меня серьёзнее. — Только, Кир, не пытайся сразу доказать себе, что тебе ничего не больно. Ты двадцать пять лет с человеком прожила. Конечно, будут и хорошие воспоминания, и желание позвонить, и сомнения. Главное, чтобы ты не забывала, почему вообще ушла.

— Я не забуду, — сказала я, хотя в тот момент не была настолько уверена в себе, как хотелось показать. В голове снова возникло лицо Марка, каким оно было много лет назад, когда он встречал меня после работы с цветами. — Просто иногда очень хочется понять, куда всё делось. Ведь я же любила его, Оксан. Не из-за квартиры, не из-за денег. Любила самого человека. А теперь даже разговаривать с ним не могу без того, чтобы мы не поссорились.

Подруга не стала отвечать сразу. Мы вышли из магазина, остановились возле машины и несколько минут укладывали пакеты в багажник. Потом Оксана обняла меня за плечи и сказала, что иногда люди действительно меняются, а иногда слишком долго не замечают, насколько больно делают близким. Я не стала спорить. Мне не хотелось превращать нашу беседу в рассуждения о чужом характере, тем более что все объяснения уже перестали иметь

значение. Марк мог сколько угодно считать себя хорошим мужем, но мне больше не хотелось жить рядом с человеком, который воспринимал мою любовь как разрешение на бесконечные насмешки и пренебрежение.

Через два дня я получила ключи от съёмной квартиры. Галина Петровна встретила меня возле подъезда, передала договор и подробно объяснила, как пользоваться бытовыми приборами и куда звонить, если возникнут проблемы. Я внимательно выслушала, поблагодарила её и осталась одна. Некоторое время стояла посреди комнаты, разглядывая чужую мебель и голые стены. Потом открыла окно, впуская прохладный воздух, достала купленные чашки и поставила их на кухонную полку. Оксана обещала приехать вечером с оставшимися вещами, а пока у меня было несколько часов, чтобы привыкнуть к новому месту. Я прошлась по комнате, представила, куда поставлю книги, где будет стоять небольшая лампа, и неожиданно поймала себя на улыбке.

Мне было непривычно, что никто не собирается оценивать мои решения. Марк обязательно сказал бы, что чашки слишком пёстрые, стол неудобный, а квартира совершенно не стоит своих денег. Он мог часами объяснять, почему его представления о хорошей мебели или правильной планировке гораздо разумнее моих. Теперь же я могла выбрать всё самостоятельно, и от этой неожиданной свободы становилось одновременно радостно и тревожно. Я прекрасно понимала, что речь идёт всего лишь о съёмной квартире, где, возможно, проживу несколько месяцев. И всё-таки хотелось сделать её уютной, потому что возвращаться сюда предстояло именно мне.

Вечером я позвонила Марку и сообщила, что нашла отдельное жильё. Муж несколько секунд молчал, словно не сразу понял сказанное, а потом раздражённо спросил, зачем мне понадобилось тратить деньги на аренду. Я объяснила, что не собираюсь возвращаться домой и предпочитаю пока жить отдельно. Марк фыркнул и заявил, что я могу выбрасывать собственную зарплату на что угодно, но не должна потом просить его о помощи. Я ответила, что не собираюсь ничего просить, после чего разговор закончился. Через несколько минут он прислал сообщение с вопросом, когда я наконец заберу оставшиеся вещи. Я предложила приехать в субботу, и муж неожиданно согласился, хотя добавил, что не намерен весь день сидеть дома и ждать меня.

В субботу утром я отправилась в нашу прежнюю квартиру. Всю дорогу меня сопровождало неприятное чувство, похожее на волнение перед трудным разговором. Я знала, что Марк снова попытается убедить меня в бессмысленности ухода, и заранее приготовила несколько спокойных ответов. Однако стоило подъехать к знакомому дому, как внутри всё сжалось. Я прожила здесь четыре года, сама выбирала растения для двора возле подъезда, знала почти всех соседей и привыкла считать эту квартиру своим домом. Теперь приходилось приезжать сюда за вещами, словно в гости к человеку, с которым больше ничего не связывает. Я некоторое время сидела в машине, собираясь с мыслями, затем взяла две большие сумки и поднялась на лифте.

Марк открыл дверь почти сразу. Он был одет в домашние брюки и светлую футболку, выглядел отдохнувшим и даже улыбался. Увидев меня с сумками, муж на мгновение нахмурился, но быстро вернул прежнее самодовольное выражение лица. Он отступил, пропуская меня внутрь, и небрежно спросил, как поживает моя самостоятельная жизнь. Я ответила, что всё нормально, и прошла в прихожую, стараясь не обращать внимания на знакомый запах квартиры. Марк закрыл дверь и остановился рядом, словно ожидал, что я сейчас брошу сумки и начну извиняться.

— Ну что, Кир, наигралась? — спросил он, складывая руки на груди. В голосе звучала снисходительная насмешка, которую я за последние дни успела возненавидеть. — Я уж думал, ты ещё неделю будешь по подругам скитаться. Снимала квартиру, значит? Ну, по крайней мере, теперь поняла, сколько стоит нормальная жизнь. Может, хватит уже этой ерунды?

— Я приехала за одеждой, Марк, — ответила я, снимая пальто. Он продолжал стоять возле двери, но я не собиралась ждать его разрешения пройти дальше. — В спальне остались мои вещи, обувь и несколько коробок. Я всё соберу и уеду. Если тебе нужно куда-то ехать, можешь заниматься своими делами, я не стану задерживаться.

Муж посмотрел на сумки и заметно помрачнел. Он, по-видимому, действительно ожидал, что я приехала мириться. Несколько секунд Марк молчал, затем резко повернулся и прошёл в гостиную. Я услышала, как он бросил что-то на журнальный столик, после чего вернулся в прихожую с уже совершенно другим выражением лица.

— Ты серьёзно собираешься продолжать этот цирк? — спросил он, указывая на сумки. Теперь в голосе не осталось ни следа прежнего веселья. — Я думал, ты за неделю успокоилась, всё обдумала и наконец решила вернуться домой. А ты, оказывается, ещё и вещи вывозить собралась. Может, объяснишь, чего конкретно добиваешься? Чтобы я перед тобой на коленях стоял?

— Я добиваюсь только одного, — ответила я, стараясь не повышать голос. Мне было неприятно, что разговор снова начинается с обвинений, но я не собиралась оправдываться. — Хочу развестись и спокойно жить дальше. Я уже говорила тебе это несколько раз. Почему ты упорно делаешь вид, будто ничего не слышишь?

— Потому что нормальные люди не разводятся из-за одной ссоры! — раздражённо воскликнул Марк, подходя ближе. Он остановился передо мной, загораживая проход в спальню, и посмотрел с таким презрением, что я невольно сжала ручку сумки. — Мы двадцать пять лет прожили вместе, Кира. Двадцать пять! А ты из-за каких-то четырёхсот тысяч решила разрушить семью. Ты вообще представляешь, сколько я за эти годы заработал? Сколько денег потратил на эту квартиру, на машину, на твои покупки?

— Наши покупки, Марк, — поправила я, чувствуя, как начинает подниматься злость. Он раздражённо дёрнул плечом, но я продолжила, не позволяя перебить себя. — И квартира наша, и машина покупалась для семьи. Я тоже работала, тоже зарабатывала, тоже вкладывала деньги. Ты можешь получать больше меня, но это не означает, что всё вокруг принадлежит только тебе. И я вовсе не собираюсь благодарить тебя за право жить в собственном доме.

— Да что ты говоришь! — Марк неприятно рассмеялся и отступил на шаг. Он обвёл рукой гостиную, словно предлагал оценить окружающую обстановку. — А кто всё это обеспечил? Ты со своей зарплатой управляющей? Да если бы не я, ты бы до сих пор жила в какой-нибудь маленькой квартирке и считала деньги до следующей получки. Я двадцать пять лет работал, чтобы у нас всё было, а теперь ещё должен выслушивать, как ты меня упрекаешь.

Я почувствовала, как от возмущения начинают гореть щёки. Ещё недавно подобные слова заставили бы меня оправдываться, перечислять собственные расходы, вспоминать покупки, на которые мы откладывали вместе. Но теперь мне не хотелось доказывать мужу очевидные вещи. Я слишком хорошо знала, сколько лет работала, сколько раз отказывалась от отпуска, чтобы помочь с семейными расходами, и как часто занималась домом после полного рабочего дня. Марк мог сколько угодно считать себя единственным кормильцем, но я больше не собиралась поддерживать эту удобную для него картину нашей жизни.

— Знаешь, что самое смешное? — сказала я, глядя ему прямо в лицо. Муж нахмурился, явно ожидая очередной претензии. — Ты всё время рассказываешь, сколько денег потратил на нашу семью, словно я должна за это расплачиваться до конца жизни. Но ты ведь тоже жил здесь, пользовался этой квартирой, ездил на нашей машине, ел приготовленные мной ужины. Я не предъявляю тебе счёт за каждую выстиранную рубашку и приготовленный завтрак. Почему же ты считаешь, что твоя зарплата даёт тебе право обращаться со мной как с прислугой?

Марк побагровел и резко отвернулся. Он прошёл к окну, некоторое время смотрел во двор, затем снова повернулся ко мне. Я увидела, что он с трудом сдерживает раздражение, и почти физически ощутила знакомое желание замолчать, чтобы не доводить разговор до ещё

более тяжёлой ссоры. Но теперь я не собиралась оставаться здесь после конфликта и терпеть многодневное молчание мужа. Мне нужно было только забрать вещи и уехать.

— Ты совершенно неблагодарная женщина, Кира, — произнёс Марк, стараясь говорить медленно и отчётливо. Он смотрел на меня с таким искренним возмущением, словно действительно не понимал причин происходящего. — Я всю жизнь старался, чтобы ты ни в чём не нуждалась, а теперь ты изображаешь несчастную жертву. Тебе мало хорошей квартиры, машины, нормального достатка. Тебе обязательно нужно, чтобы муж перед тобой отчитывался за каждый шаг. Но я не собираюсь жить под твою диктовку.

— Тогда мы наконец хоть в чём-то согласны, — ответила я, поднимая сумку. Мне хотелось кричать, но я заставила себя говорить тише, потому что уже устала от бесконечных объяснений. — Я тоже не собираюсь так жить. Поэтому и ухожу. Пропусти меня, пожалуйста. Мне нужно забрать одежду.

Марк ещё несколько секунд стоял передо мной, затем нехотя отступил. Я прошла в спальню и открыла шкаф, стараясь не обращать внимания на то, что муж пошёл следом. Мои вещи висели на привычных местах, только несколько платьев оказались сдвинуты в сторону, а на полке лежали какие-то бумаги Марка. Я достала одежду, аккуратно сложила её в сумку и принялась собирать обувь. Муж стоял возле дверей, наблюдая за каждым движением. По его лицу было видно, что происходящее всё больше раздражает его, хотя он по-прежнему пытался изображать равнодушие.

— И куда ты всё это повезёшь? — спросил он, когда я достала с верхней полки тёплый свитер. Марк посмотрел на почти заполненную сумку и насмешливо покачал головой. — В свою съёмную конуру? Ты хоть понимаешь, насколько глупо платить чужому человеку за жильё, когда у тебя здесь целая квартира? Или это тоже часть твоего великого плана по обретению независимости?

— Представь себе, мне там нравится, — ответила я, складывая свитер. Он хотел что-то сказать, но я продолжила, не поднимая головы. — Квартира маленькая, зато мне никто не объясняет, какие чашки покупать и во сколько возвращаться домой. И никто не устраивает скандал, если я хочу провести выходной не так, как удобно мужу. Я вполне могу за неё платить, Марк. Не переживай за мои деньги.

Он презрительно фыркнул и вышел из спальни. Я услышала, как в гостиной включился телевизор, а через несколько секунд Марк прибавил звук, словно хотел показать, что разговор окончательно ему надоел. Я продолжала собирать вещи, но теперь руки дрожали уже не столько от злости, сколько от усталости. В шкафу оставались платья, которые я покупала к семейным праздникам, коробка с украшениями, старые фотографии и множество мелочей, связанных с нашей жизнью. Мне не хотелось вывозить всё сразу. Я выбрала необходимое, закрыла сумку и на мгновение присела на край кровати, пытаясь собраться с силами.

На тумбочке лежала небольшая фотография, сделанная много лет назад во время нашей поездки в горы. Марк тогда ещё не увлекался коллекционированием, и мы часто отправлялись путешествовать на выходные. На снимке он стоял позади меня, обнимая за плечи, а я улыбалась, щурясь от яркого солнца. Я взяла рамку, провела пальцем по стеклу и неожиданно почувствовала, как снова защипало глаза. Совсем недавно я подарила мужу другую нашу фотографию, надеясь напомнить о счастливых временах. Он поставил её возле тарелки в ресторане, а потом, наверное, даже не вспомнил о подарке. Теперь мне стало интересно, куда он её убрал. Но спрашивать я не захотела. Я аккуратно вернула снимок на тумбочку и поднялась, решив, что заберу фотографии позже, когда смогу смотреть на них без слёз.

В гостиной Марк сидел перед телевизором с телефоном в руке. Увидев меня с сумками, он заметно помрачнел. Некоторое время муж молчал, словно ожидал, что я сама начну разговор о примирении, но я направилась к прихожей. Тогда он встал и подошёл следом, уже не скрывая раздражения.

— Значит, всё-таки решила уйти? — спросил он, останавливаясь возле двери. Я поставила сумки на пол, чтобы надеть пальто, и молча кивнула. — Ну что ж, пожалуйста. Только учти, Кира, я не собираюсь вечно терпеть твои выходки. Если через месяц захочешь вернуться, ещё подумаю, стоит ли тебя принимать. Мне надоело быть виноватым во всём, что тебе не нравится.

— А мне надоело слушать, какой ты великодушный, — ответила я, застёгивая пальто. Марк хотел перебить, но я подняла руку, показывая, что не закончила. — Я не прошу тебя меня принимать. Я вообще не собираюсь возвращаться. Ты можешь сколько угодно объяснять себе, что я просто обиделась, но от этого ничего не изменится. Я подам на развод, Марк. И хочу, чтобы мы хотя бы это смогли обсудить без оскорблений.

— Да подавай куда хочешь, — бросил он, резко открывая дверь. На его лице появилась знакомая презрительная усмешка, хотя глаза выдавали растущее раздражение. — Посмотрим, как ты запоёшь, когда поймёшь, сколько всего придётся делить и сколько денег ты на самом деле зарабатываешь. Только потом не приходи ко мне жаловаться. Сама захотела этой самостоятельности — сама и разбирайся.

Я взяла сумки и вышла на лестничную площадку. Марк не предложил помочь донести вещи до машины, хотя прекрасно видел, что обе сумки тяжёлые. Он постоял в дверях, наблюдая, как я вызываю лифт, а потом раздражённо захлопнул дверь. Я вздрогнула от громкого звука и неожиданно рассердилась на себя за эту реакцию. Мне было сорок семь лет, я руководила большим коллективом, умела решать сложные рабочие вопросы и зарабатывать на собственную жизнь. Но рядом с мужем слишком часто превращалась в женщину, которая боялась очередного хлопка дверью. Я стиснула ручки сумок и вошла в лифт, стараясь не заплакать до того, как доберусь до машины.

По дороге домой я несколько раз возвращалась мыслями к нашему разговору. Марк снова говорил о деньгах, квартире и своём заработке, словно только они удерживали меня рядом все эти годы. Ему даже не пришло в голову спросить, больно ли мне расставаться с человеком, которого когда-то любила. Наверное, он действительно не верил, что я способна уйти окончательно. Я вспомнила, как однажды, ещё в первые годы брака, мы сильно поссорились из-за какой-то бытовой мелочи, и Марк всю ночь просидел рядом со мной, пытаясь помириться. Тогда он говорил, что не хочет засыпать, пока я на него обижена, и я смеялась, убеждая его перестать переживать. Теперь муж даже не пытался извиниться. Ему казалось, что достаточно подождать, пока я сама устану от собственной обиды.

Вернувшись в съёмную квартиру, я разобрала вещи и поставила на кухне чайник. В шкафу постепенно появлялась моя одежда, на полках — книги и косметика, в ванной лежали привычные полотенца. Комната уже не выглядела совершенно чужой, хотя до настоящего уюта было ещё далеко. Я села за стол с чашкой чая и неожиданно почувствовала сильную усталость. За последнюю неделю мне пришлось принять больше неприятных решений, чем за несколько предыдущих месяцев. Я ушла от мужа, сняла квартиру, начала привыкать к самостоятельной жизни и теперь должна была подумать о самом сложном — о разводе и разделе имущества.

Мне совершенно не хотелось превращать расставание в бесконечную борьбу. Я знала характер Марка и прекрасно понимала, насколько болезненно он воспринимает любые попытки ограничить его желания. Особенно это касалось коллекции мотоциклов, которой он гордился едва ли не больше собственной карьеры. За последние годы муж вложил в неё огромные деньги, проводил в гараже почти все свободные вечера, ездил на встречи мотоклуба и постоянно искал новые детали. Я никогда не разделяла его увлечения, но и не собиралась уничтожать коллекцию только потому, что наш брак закончился. Мне было достаточно получить положенную долю семейного имущества и устроить собственную жизнь. Марк мог оставаться со своими мотоциклами, если мы сумеем найти справедливые условия.

На следующий день я позвонила знакомой, которая несколько лет назад занималась продажей квартиры своих родителей. Она посоветовала хорошего специалиста по недвижимости и объяснила, с чего лучше начать. Я выяснила приблизительную стоимость нашего жилья, уточнила оставшуюся сумму кредита и попросила помочь понять, какие деньги могут остаться после продажи. Разговор оказался гораздо спокойнее, чем я ожидала. Никто не требовал немедленно принимать решения, не обвинял меня в жадности и не пытался объяснять, что женщина не имеет права претендовать на имущество, приобретённое во время брака. Мне просто рассказали, какие сведения необходимо собрать и какие варианты можно рассмотреть. Я записала самое важное в блокнот и почувствовала, что впервые начинаю понимать, как действовать дальше.

С коллекцией всё было сложнее. Я не разбиралась в старинных мотоциклах и не представляла, сколько именно стоят машины Марка. Знала лишь, что один из экземпляров он купил за огромную сумму, а затем потратил ещё немало денег на восстановление. Остальные два тоже были дорогими, хотя муж обычно уклонялся от прямых ответов, когда я спрашивала об их стоимости. Я просмотрела старые фотографии, нашла несколько сообщений Марка о покупках и вспомнила разговоры с Сергеем, который хорошо знал коллекцию. Постепенно стало ясно, что речь идёт о весьма значительных деньгах. Если делить всё поровну, Марку придётся выплатить мне большую компенсацию, и я прекрасно понимала, насколько болезненной для него окажется сама мысль об этом.

Вечером я снова встретилась с Оксаной. Мы договорились поужинать в небольшом кафе возле моего нового дома, и подруга сразу заметила, что я выгляжу немного спокойнее. Я рассказала ей о работе, о найденной квартире и о том, что начала выяснять вопросы с имуществом. Оксана внимательно выслушала, но когда речь зашла о коллекции, нахмурилась. Она прекрасно знала, сколько времени и денег Марк тратил на мотоциклы, и не сомневалась, что именно эта тема вызовет новый скандал.

— Кир, только не вздумай опять всё ему уступить, — сказала она, откладывая вилку. Подруга посмотрела на меня достаточно строго, чтобы я поняла: она говорит совершенно серьёзно. — Я тебя знаю. Сейчас начнёшь жалеть его, вспоминать, как он любит свои машины, и в итоге сама останешься с тем, что тебе разрешат взять. Ты ведь не собираешься снова доказывать, какая ты хорошая жена?

— Нет, — ответила я, хотя неприятное сомнение всё-таки возникло. Я помешала ложечкой чай и посмотрела на Оксану. — Но и отбирать у него мотоциклы не хочу. Представляешь, что будет, если он поймёт, что придётся их продавать? Он же меня возненавидит. И без того считает, что я разрушила ему жизнь. Мне бы хотелось договориться так, чтобы он оставил коллекцию себе, а я получила деньги постепенно. Мне ведь не обязательно всё сразу.

— Вот это уже звучит разумно, — признала Оксана, но всё ещё смотрела с недоверием. Она откинулась на спинку стула и некоторое время размышляла. — Только условия должны быть настоящими, Кир, а не такими, что он тебе пообещает деньги, а потом начнёт каждый месяц придумывать причины не платить. Ты же знаешь Марка. Если он почувствует, что может тебя уговорить, обязательно попробует. Поэтому сначала всё выясни, а потом разговаривай.

Я согласилась. Мне не хотелось снова становиться женщиной, которая принимает чужие обещания исключительно ради сохранения спокойствия. Но и превращаться в человека, которому приятно причинять боль бывшему мужу, я не собиралась. В конце концов, у нас действительно было много хороших лет, и я не хотела перечеркнуть их бесконечными унижениями. Возможно, Марк злится именно потому, что ещё не привык к мысли о разводе. Может быть, когда он поймёт, что я не собираюсь возвращаться, мы наконец сумеем разговаривать как взрослые люди, когда-то любившие друг друга.

В течение следующих дней я продолжала собирать необходимые сведения. Уточнила примерную стоимость квартиры, пересмотрела доступные мне записи о семейных покупках и

составила список имущества, которое предстояло разделить. Я не стремилась высчитать каждую чашку или предмет мебели, прекрасно понимая, что такие споры только окончательно испортят наши отношения. Меня интересовали прежде всего квартира, оставшиеся накопления и коллекция мотоциклов. Из разговоров со специалистом я поняла, что супруги вполне могут договориться о разделе самостоятельно, если оба готовы выполнять обещания. Именно такой вариант показался мне наиболее подходящим. Марк сохраняет коллекцию, мы продаём квартиру, делим оставшиеся деньги, а причитающуюся компенсацию он постепенно выплачивает мне. При его заработке это было вполне возможно, если хотя бы на некоторое время отказаться от новых дорогостоящих приобретений.

Однажды вечером я разложила записи на кухонном столе и попыталась представить, как объясню всё Марку. Мне сразу вспомнилось его раздражённое лицо, когда я впервые заговорила о разводе, и настроение испортилось. Он наверняка станет возмущаться, обвинять меня в желании нажиться на его увлечении и напоминать о собственных заработках. Но я всё-таки надеялась, что желание сохранить любимые мотоциклы окажется сильнее обиды. В конце концов, я предлагала ему не лишиться коллекции, а просто выплатить мне положенную долю. Мы могли оформить соглашение, постепенно решить все вопросы и больше не мучить друг друга бесконечными разговорами. Мне хотелось верить, что после двадцати пяти лет брака мы хотя бы способны расстаться по-человечески.

Телефон лежал рядом с блокнотом. Я несколько раз брала его в руки, открывала переписку с мужем и снова откладывала. Последние сообщения Марка касались каких-то бытовых вопросов: он спрашивал, где находится запасной комплект ключей, почему не может найти любимую чашку и кто забрал большую дорожную сумку. На мои ответы муж реагировал коротко и раздражённо, ни разу не поинтересовавшись, как я устроилась на новом месте. Мне было неприятно это замечать, хотя я уже должна была привыкнуть к подобному отношению. Наконец я набрала его номер и прижала телефон к уху. Марк ответил после нескольких гудков, и по голосу я сразу поняла, что звонок застал его в гараже.

— Ну наконец-то, — произнёс он вместо приветствия. На заднем плане слышались приглушённые голоса и какой-то металлический стук. — Я уж думал, ты вообще забыла мой номер. Что случилось, Кира? Надоело жить отдельно? Или деньги на аренду начали заканчиваться?

— Марк, я звоню не для того, чтобы снова ссориться, — ответила я, стараясь говорить спокойно. Его насмешка неприятно задела, но я решила не обращать внимания. — Нам нужно обсудить развод и имущество. Я кое-что выяснила, подумала, как можно всё разделить без лишних проблем. Мне кажется, мы могли бы договориться так, чтобы тебе не пришлось продавать мотоциклы.

На другом конце линии наступила короткая пауза. Я услышала, как Марк кому-то сказал, что перезвонит позже, затем шум немного стих. По-видимому, он отошёл в сторону, чтобы поговорить без посторонних. Когда муж снова заговорил, голос его стал заметно мягче, и я невольно почувствовала облегчение.

— Вот как, — протянул он, словно обдумывая услышанное. — Значит, всё-таки решила поговорить нормально. Ну хорошо, Кира, я не против. Может, наконец перестанем устраивать друг другу неприятности. Когда ты хочешь встретиться?

— В следующие выходные, если тебе удобно, — предложила я, быстро взглянув на записи. Мне хотелось обсудить всё лично, чтобы не превращать разговор в очередную переписку с взаимными обвинениями. — Можем где-нибудь посидеть спокойно. Я принесу свои расчёты, ты посмотришь, скажешь, что думаешь. Мне действительно хотелось бы закончить всё без скандалов, Марк. Мы ведь не чужие люди.

— Конечно, не чужие, — согласился он с неожиданной готовностью. Я даже удивилась, насколько легко нам удалось договориться хотя бы о встрече. — Давай в субботу. Я буду в

гараже, приезжай туда ближе к обеду. Заодно посмотришь, что там у меня и как всё устроено. Думаю, мы найдём общий язык, если ты наконец готова разговаривать спокойно.

Я поблагодарила мужа и закончила разговор, чувствуя себя немного увереннее. Последние недели научили меня не ждать от Марка особенной нежности, но сейчас он хотя бы согласился обсудить имущество без угроз и оскорблений. Я убрала телефон, собрала бумаги в папку и решила больше сегодня не думать о разводе. Впереди оставалось несколько рабочих дней, а в субботу мы наконец могли сделать первый шаг к нормальному расставанию. Мне хотелось закончить эту историю достойно, не превращая двадцать пять прожитых вместе лет в бесконечную войну за деньги и вещи.

Уже значительно позже я узнала от Ирины, что в тот же вечер Марк рассказывал Сергею о нашем телефонном разговоре. Он был совершенно уверен, что я начала искать повод для возвращения, и даже хвастался, будто жена наконец поняла, насколько трудно ей будет жить без него. О моём предложении сохранить коллекцию муж упомянул вскользь, представив его как доказательство того, что я боюсь настоящего раздела имущества. Сергей, по словам Ирины, тогда только спросил, собирается ли Марк вообще выслушать меня, прежде чем делать выводы. Но муж отмахнулся, уверенный, что прекрасно знает мой характер и заранее представляет, чем закончится встреча.

А я в тот вечер сидела на кухне своей маленькой съёмной квартиры, пила чай из новой чашки и впервые за несколько дней испытывала осторожную надежду. Мне казалось, что мы с Марком наконец сумеем договориться без взаимных оскорблений. Я не собиралась возвращаться к нему, не ждала извинений и не мечтала о примирении. Мне просто хотелось получить возможность начать новую жизнь, оставив бывшему мужу то, чем он действительно дорожил. Я ещё не представляла, насколько сильно ошибаюсь, полагая, что Марк способен воспринять мою уступку как желание решить всё справедливо. Для него предстоящая встреча уже стала доказательством того, что я начинаю отступать, а значит, нужно лишь немного надавить, чтобы заставить меня отказаться от собственных требований.

ГЛАВА 3. ПОСЛЕДНЕЕ ЧЕСТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В субботу я проснулась около восьми утра, хотя накануне собиралась позволить

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.